

Алексей Пехов
Елена Бычкова
Наталья Турчанинова

Кровные братья

Ночная столица

Annotation

Они управляют миром с начала времен, втягивая человечество в бесконечные войны. Они едины лишь в одном – жажде власти и могущества. В древности им поклонялись как богам. Их кровь священна и проклята, и приносит бессмертие. А также особый дар, который дает полную реализацию скрытым способностям человека...

В современной Столице их существование считают мифом или страшной сказкой, но они продолжают жить среди нас. Их время – ночь. Кровные братья приходят, чтобы убивать, ненавидеть, мстить.

Что люди смогут противопоставить им?..

**Алексей Пехов, Елена Бычкова, Наталья
Турчанинова
Киндрэт. Кровные братья**

12 сентября 1977 года

Город купался в дожде вторые сутки. Капли тихо шелестели по разбитому асфальту и робко стучались в крышу синего «бентли». Окно машины было опущено. Со стороны водителя горел красный огонек сигареты, и слышалось тихое пение радио. Автомобиль стоял в переулке практически скрытый от глаз прохожих густым покрывалом позднего вечера и дождя.

Впрочем, какие прохожие при такой погоде, в таком месте, в подобное время? Прогулки после захода солнца в районе, где нет даже фонарей, зато в больших количествах бродит всякая шваль, чреватые потерей не только кошелька, но и здоровья. Правда, любители легких денег сегодня ночью не торопились на работу и пока сидели в своих берлогах.

Неподалеку от машины темнели мусорные ящики. Один оказался перевернут, а его содержимое разбросано по асфальту.

«Колоритное зрелище. – Мужчина, сидящий за рулем, пренебрежительно стряхнул пепел на мокрую дорогу. – Отлично вписывается в окружающий пейзаж и концепцию нового молодежного движения. Как их там? Панки? Помойка – как раз место для подобного направления человеческой культуры».

Вольфгер Владислав считал, что чем дальше, тем сильнее люди сходят с ума. Придумывают что-то новое. Стараются жить так, чтобы хоть на время забыться, ощутить свободу от всего, мешающего существовать. От законов, общества, правил, политики, морали, мнения окружающих. Сияются отринуть, взлететь над грязью, а если не получается – самим стать мусором. Быть против всего, пытаюсь тем самым почувствовать терпкий вкус жизни, лишь для того, чтобы рано или поздно все равно умереть. Так было раньше, и так будет всегда. Неумолимый закон. Смерть приходит за всеми. Водитель улыбнулся. Ну... или почти за всеми.

Иногда бывают исключения.

На одном из ящиков тощая мокрая кошка поспешно выуживала из-под крышки объедки. Вольфгер сидел неподвижно уже минут пять, наблюдая за ней. Зверек чувствовал его присутствие. Поначалу даже хотел уйти, но голод оказался сильнее врожденного инстинкта самосохранения. К тому же мужчина не делал попыток напасть. Так что поколебавшись недолго, кошка принялась за еду. Но бдительности не теряла, ела быстро, торопясь, всем своим видом показывая, что хочет убраться как можно скорее.

Едва слышный звук полицейской сирены пронзил дождливую пелену и спустя несколько секунд стих в отдалении.

В этой части города, состоящей из множества кривых улочек, дворов и тупиков, полицейские были редкостью. Ребята не любят подобные места. Слишком много работы. Слишком много проблем. Кому они нужны? Особенно при таких зарплатах. Куда уж лучше патрулировать ярко освещенные центральные проспекты столицы и не лезть в болото, из которого можно будет выбраться, лишь написав груды никому не нужных рапортов.

Двадцать три тридцать восемь.

Радио и дождь пели в унисон. Джо Дасэн задушевно рассказывал всему миру о том,

что стало бы с ним, если бы у него «...не было тебя». Хорошая песня.

Сигарета дотлела до конца, и Вольфгер выбросил ее в темноту за окном.

Кристоф хотел пойти с ним. Собирался. И если бы «не было ее», пошел бы точно. Но Флора прикатила на своем ядовито-красном «ягуаре», вошла в холл особняка стремительным шагом, слегка стесненным длинной узкой юбкой, окатила всех присутствующих ароматом пятой «Шанели». И на лице ученика появилось непередаваемое выражение тщательно скрываемой влюбленной дурости.

– Мэтр, вы уверены, что вас не нужно сопровождать?

– Уверен. Можешь идти. Она не будет ждать долго.

– Я могу отменить встречу.

– Не можешь. Она уже надела на тебя шлейку. Осталось пристегнуть поводок.

Кристоф улыбнулся. Похоже, его не пугала перспектива оказаться в роли преданной собачки прекрасной Даханавар. Он был готов принять свою участь до конца.

– Давай, иди. Она ждет.

Флора стояла перед картиной Моне, рассматривая ее со спокойным интересом. Услышала шаги, повернулась, с улыбкой протянула руку для поцелуя.

– Мое почтение, леди. Вы изумительно хороши сегодня. Впрочем, как всегда.

– Добрый вечер, неотразимый Кристоф. – Флора улыбнулась еще обворожительнее, и ее глаза цвета голубого топаза засияли лукаво. – Согласны ли вы быть моим спутником этой ночью?

Глупо было бы отказаться и предпочесть такой женщине скучную встречу и старого учителя.

Двадцать три сорок пять.

Вольфгер еще раз посмотрел на часы и позволил себе небольшое проявление чувств. Поморщился. С досадой.

Тот, кого он ждал, опаздывал, и это было так же странно, как и выбранное для встречи место. Партнер всегда славился своей пунктуальностью.

Что-то случилось? Гадать и просчитывать варианты не имело резона. Сейчас дипломатические отношения слишком нестабильны. Постоянно заключаются новые альянсы и столь же часто распадаются. Предугадать невозможно. Все ищут то, что будет выгодно для своих, и пытаются побольнее уколоть соперников. Впрочем, все как всегда. Мышиная возня, длящаяся уже не первый год. Но на этот раз дело кажется очень серьезным. Вольфгер начинал беспокоиться.

Джо Дасэн уже давно допел свою песню, и теперь из динамиков звучал какой-то незатейливый, совершенно приторный мотивчик. Мэтр без сожаления выключил радио и стал слушать дождь. По его мнению, это было гораздо лучше и куда менее назойливо, чем современная музыка. Он не всегда ее понимал, а оттого не любил.

Вольфгер услышал шаги в тот же момент, что и кошка. Зверек оторвался от еды, наострил уши, а затем, решив не рисковать, ловко спрыгнул с мусорного бака и скрылся в подвальном окошке одного из обшарпанных домов.

Мэтр напряг глаза, пытаясь разглядеть вышедшего из подворотни, но мешал дождь. Можно было видеть лишь нечеткий силуэт. Кто именно стоит на противоположном конце короткой улочки – непонятно. Лишь в одном ошибки нет – это один из братьев. Значит, встреча все-таки состоится. Отлично.

Вольфгер недовольно нахмурился, когда понял, что опоздавший не собирается подходить к машине. Лишь махнул рукой, приглашая следовать за собой, а затем развернулся и, не оглядываясь, скрылся за углом.

Подобной наглости водитель не ожидал: «Интересно, кто этот щенок? Новичок, не знающий правил, или... Неужели дело так серьезно, что партнер боится собственной тени? Кого он может опасаться? Амира? Или солдаты Миклоша опять собираются устроить кровавую ночь?»

Мэтр задумчиво побарабанил пальцами по рулю. Хорошо. Сегодня он сделает исключение и сыграет по правилам пригласившего. Вытащив ключи из замка зажигания, бросил их в карман, взял плащ с соседнего сиденья и шагнул из машины. Дождь, как назло, усилился. Поднятый воротник оказался бесполезным. В последний раз оглядев пустую улочку, Вольфгер направился следом за «родственником».

До поворота, где тот скрылся, он дойти не успел. Люди появились внезапно. словно черти из табакерки. Семеро. Крепкие парни с оружием в руках. Мэтр не стал дожидаться, пока неизвестные выскажут ему свои пожелания. Он не собирался вести пространные разговоры под проливным дождем и тем паче выполнять чужие требования.

На какое-то мгновение Вольфгер почувствовал разочарование. Его совсем ни во что не ставят, если устраивают подобный фарс?! Да еще и с привлечением людей?! Даже опившемуся крови наркомана сыну Лигаменты стало бы понятно, что это ловушка.

Лишенная смысла. Бездарная. И жалкая. Неужели это действительно инициатива тхорнисхов? Без ведома Миклоша? Тот подобной глупости никогда бы не допустил. Если бил, то наверняка. Мэтр презрительно скривил губы и щелкнул пальцами левой руки. Семеро упали как один. На мокрый, выщербленный выбоинами асфальт. В лужи. В мусор перевернутых баков.

Он не смотрел на них. Умершие от мгновенной остановки сердца не представляли никакой опасности. А вот тот, кто скрылся в проулке, заманивая его в ловушку, может причинить неприятности. Минуты сменялись минутами, но учитель Кристофа не шевелился. Ждал. Вслушивался в шелест дождя, который окончательно промочил волосы, стекал по лицу и заливался за шиворот. Лишь спустя четверть часа мэтр позволил себе расслабиться. Похоже, тот, кто подготовил западню, понял, что затея провалилась, и убрался подброду. Интересно, кто это был?

Вольфгер подошел к ближайшему телу, пошевелил носком ботинка зажатый в руке пистолет. И вот с помощью этого они хотели чего-то добиться? Люди воистину сходят с ума. Странно... эти парни не похожи на наемников. Не тот уровень. Слишком грязно сработано для опытных бойцов, которых нанимает Миклош. Он склонился над мертвецом.

Можно оживить его и заставить рассказать правду.

Тонкая струйка некромантической магии потекла в человека. Предельно сосредоточившись, Вольфгер наполнял своей силой мертвые клетки. Главное, случайно не повредить мозг, иначе невозможно будет получить членораздельные ответы на все вопросы. Тупой зомби ему не нужен.

Работая, он продолжал интуитивно держать ситуацию под контролем, прислушиваться. Шелест дождя, с тихим хрипом воздух вошел в легкие реанимируемого, гулко стукнуло сердце. Все спокойно. Опасности нет, но что-то продолжало смутно беспокоить. Настораживало...

Последняя мысль еще не успела оформиться в голове Вольфгера, а он уже начал

действовать. Бросил себя влево и вперед, одновременно призывая «Покров Ночи». Но не успел.

Затылок обожгло морозом, и он рухнул на колени. Холод мгновенно растекся по нервам, захватив синапсы и нейроны. Сковал мышцы, парализовал тело, отрезал волю. Незнакомый враг лишил его способности использовать магию. Его поймали, как чайлда. Глупого несмышленого «птенца». Выманили, усыпили бдительность и ударили в спину. Это был единственный способ его победить. Лицом к лицу с мэтром не справился бы ни один из Старейшин. Да и сейчас колдун чувствовал, что использованный противником «Поцелуй Медузы» был усилен в десять, если не в двадцать раз. В парализующее заклинание вложил силу не один кровный брат, а несколько. Причем не самые слабые представители...

Шум приближающейся машины. Хлопок двери. Шаги по лужам.

– Заберите тело. Господина Вольфгера Владислава ждет долгое путешествие. Кто-нибудь, отгоните «бентли». Желательно так, чтобы его никогда не нашли.

Мэтр ощущал полное разочарование. В первую очередь из-за собственной недальновидности. Когда живешь слишком долго, начинаешь верить в свою неуязвимость и тогда рано или поздно совершаешь ошибку.

Спустя несколько минут на темной улице не было ни следа происшедшего. Тела убраны, машины уехали.

Снова темнота и дождь.

Голодная кошка осторожно выбралась из своего убежища, огляделась и, поняв, что опасность миновала, вновь направилась к мусорному баку.

Глава 1

Сканэр

Я могу выдержать грубую силу, но грубая мысль несносна. Есть что-то нечестное в ее действии. Это удар ниже интеллекта.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея

12 сентября 2004. Дарэл Даханавар

– Что, нравится? – услышал я за спиной шепот Кристофа и только хмыкнул в ответ.

Он стоял под фонарем, опираясь о перила моста, и ветер трепал его светлые волосы.

Подросток лет пятнадцати, за которым я слежу уже несколько дней.

– Так в чем же дело? – снова спросил вездесущий, неумолимый Кристоф. – Подойди к нему, и пошли.

– Я не уверен.

– Чушь. Иди, я подожду.

Было в этом тинейджере нечто странное. Необычное. И я никак не мог понять, что именно меня беспокоит. От него как будто тянуло свежим холодным ветром. Бриз, или поток воздуха с ледника. И дело даже не в чистоте крови, хотя я чувствовал, что она не загрязнена наркотиками, никотином или болезнью.

– Первая группа, – пробормотал Кристоф. – Резус положительный. – Заметил недовольство на моем лице, усмехнулся. – Не обращай внимания. Мысли вслух.

Развернулся и пошел прочь по темной, продуваемой ветром улице.

Мальчишка в золотом ореоле, казалось, солнечного света поднял голову, следя за полетом белого ночного мотылька, и я поймал легкую улыбку. Она погасла, когда он увидел меня, стоящего рядом.

– Привет. Не помешал?

Он отрицательно покачал головой, оглянулся как будто в растерянности. Но так и не решил – отойти ему от подозрительного незнакомца или подождать, пока тот отвяжется сам.

– Дарэл, – сказал я негромко, понимая, что начинаю ненавязчиво «замутнять» его сознание. Совсем чуть-чуть, только для того, чтобы он неожиданно почувствовал доверие ко мне.

– Лориан.

Я уже слышал этот голос. В прошлое воскресенье. На Курском вокзале. Тогда он произнес всего лишь три слова: «Ботанический переулок, пожалуйста», – и уехал на желтом такси.

Мальчишка представился мне интернетным ником. Настоящее имя ему, уж не знаю почему, не нравилось. Подросток считал его дурацким. К тому же он решил, что я тоже назвал свое «сетевое» имя. Я прочитал это в его мыслях мельком, не задумываясь.

– Любишь гулять по ночам?

– Да. – Он уже начал потихоньку «привыкать» ко мне.

Проходил стадию узнавания.

– Да, люблю.

По ощущениям для него это должно быть похоже на встречу с хорошо знакомым человеком. Мальчишка снова посмотрел на меня.

– Приятная привычка.

Мы уже шли рядом, от одного фонаря к другому. И наши тени, то укорачиваясь, то удлиняясь, бежали впереди. Он бросал на меня редкие любопытные взгляды, стеснялся подолгу задерживать их на моем лице, но чувствовал себя все свободнее. Естественнее. А мне можно было не смотреть на него. Я видел его внутренним зрением: ветер с ледника, холодный ровный поток воздуха и свет. Слегка рассеянный свет солнечного осеннего дня.

– Зайдем?

Я указал взглядом на ярко освещенные окна ночного бара и конечно же услышал в ответ тихое: «Зайдем».

Сейчас здесь было тепло, приглушенно играла музыка, сигаретный дым сизой полосой висел в воздухе. За дальним столиком я увидел Берта. Он был не один. Я не знал его девушку, но она улыбнулась, поднимая свой бокал, и мне показалось, что я ее уже где-то встречал.

Берт холодно кивнул в ответ на мое безмолвное приветствие и отвернулся. Другого я и не ожидал.

Лориан заметил эти многозначительные переглядывания, но ничего не сказал, лишь в глазах его вспыхнуло почти детское любопытство. Я заказал красный martini для себя и кока-колу в высоком стакане для него. Мальчишка улыбнулся в ответ на мой выбор.

– Как ты догадался, что я хочу «колы»?

Я поднял свой бокал.

Когда он вот так поворачивает голову, становится видна тонкая жилка, которая часто-часто бьется под кожей на шее... Мне показалось, что я чувствую аромат его крови. Губам вдруг стало горячо, и я поспешил поднести бокал ко рту, чтобы прикосновение холодного стекла остудило невыносимый жар.

Подросток смотрел в окно. На противоположную сторону улицы, где висел гигантский рекламный щит с крупной черно-белой фотографией в стиле «готика». И в его чувствах зрело устойчивое сожаление. Он знал, что никогда не попадет на премьеру года, о которой сейчас кричат все афиши.

Я кивнул на плакат:

– Хочешь пойти на эту оперу?

Он глянул на меня немного насмешливо:

– Все билеты уже проданы, я узнавал в кассах. И потом, это очень дорого.

– По именному флаеру абсолютно бесплатно. У моего хорошего друга всегда есть пара штук лишних.

– Он что, директор театра?

– Нет. Поет главную партию.

Тинейджер улыбнулся недоверчиво и произнес наставительно:

– Главную партию в «Призраке» поет Гемран Вэнс.

Но ему не удалось поймать меня на лжи. Я действительно был знаком с кумиром подростков и молодежи, знаменитым Британцем, рок-певцом. Что и сообщил мальчишке. Его лицо слегка вытянулось, глаза округлились от изумления. Меня обожгло ярким восторженным удивлением.

– Серьезно?! Ты его знаешь?! Самого Гемрана?! – Знаков восклицания в этом заявлении можно было поставить сколько угодно. – И давно ты с ним общаешься?

– Достаточно. Если хочешь, могу познакомить и тебя.

– Еще бы! – воскликнул он громко и тут же смущенно оглянулся. Берт смотрел в свой бокал. Девушка, улыбаясь, рассматривала бармена. Никто не обращал на нас внимания. Лориан успокоился и продолжил выражать свой восторг на полтона ниже. – Я очень хочу взять у него автограф. А когда ты смог бы нас познакомить?

– Завтра, после оперы. Пойдет? – Я поднялся и положил деньги на стойку.

– Да. Отлично!

Он вскинул на меня взгляд, в котором горел восторг от общения с человеком, лично знакомым с самим Гемраном Вэнсом. Это было забавно. Подросток оказался фэном Британца.

– Завтра вечером, без четверти девять, я буду ждать тебя в холле.

В дымчатой синеве его глаз отразились матовые переливы неяркого света. Словно от лучей заходящего солнца. Несколько мгновений я смотрел на это чудо, затем развернулся и стремительно вышел.

Звезды гасли одна за другой. Над просыпающейся рекой струился прохладный воздух. Ночная темнота медленно катилась по прозрачному небу все дальше на запад, отступая перед восходящим солнцем...

Конечно, Кристоф не дождался меня. Но я успел. Как всегда. Первые лучи пробились из-за горизонта в тот миг, когда я закрыл за собой дверь.

Здание оперы было построено в позапрошлом веке. Массивное сооружение из серого камня, щедро украшенное колоннами, статуями и барельефами. Монументальное, холодное, величественное. Подсвеченное нежно-золотыми огнями.

Мраморный Аполлон в развевающейся тунике едва сдерживал четверку коней, готовых сорваться со ската крыши. Музы, нимфы, сатиры и менады застыли в танце вокруг солнечного бога и, казалось, готовы броситься под колеса его квадриги.

На плечах каменных танцоров, на головах лошадей сидели чайки. Их пронзительные крики перекрывали шум города, когда вся стая взмывала в воздух. Птиц нервировал белый дирижабль с яркой афишей на боку, рекламирующей новую постановку Моцарта, – он с воем летал вокруг здания, чуть покачиваясь на ветру.

От реки веяло свежестью. Широкая черная лента поблескивала в свете фонарей, отражала перевернутый мост и здания набережной. Чудилось, что они плывут, дрожа в мелких волнах. Шлюзы были закрыты. Три прогулочных теплохода терпеливо стояли у ворот, дожидаясь, пока вода поднимется до нужного уровня. Играла музыка, гомонила публика, кричали чайки.

В здании оперы были люди, я чувствовал их даже сквозь каменные стены. Скопление теплых огоньков. Басовито гудящий рой, в однообразном пении которого раздаются высокие голоса, похожие на вскрики речных птиц.

Лориан звучал чистой певучей нотой «соль».

Он пришел и теперь стоял в фойе возле одной из колонн. Волосы волной метались по плечам, когда он нетерпеливо оглядывался по сторонам, высматривая меня в толпе. Я видел, как он вертит в руках программку, свернутую трубкой, и машинально убирает непослушную прядь за ухо, уже чувствуя мой пристальный взгляд, но еще не понимая, что я

смотрю на него.

Неподалеку топталась компания подростков. Все длинноногие, тонкие, нервные, развязные и неуверенные одновременно. Они то «скрежетали», словно несмазанные телеги, то их «звучание» поднималось до едва переносимого визга. Я содрогнулся внутренне и приглушил обострившуюся чувствительность.

– Привет.

Он слегка вздрогнул и обернулся. Теперь я видел немного смущенное лицо, легкие тени под глазами, яркий румянец на щеках.

– Добрый вечер. Я решил, что глупо упускать такой шанс. Мне бы никогда не удалось купить билет на эту оперу. А познакомиться с Гемраном вообще нереально. – Он в свою очередь рассматривал меня в ярком свете тысячи электрических лампочек – мое бледное лицо, мои глаза...

– Умение логически оценить ситуацию – большое достоинство.

В ложе я сел в кресло второго ряда, чтобы видеть только линию его шеи, белый воротник рубашки и сцену.

Свет погас. Раздались первые аккорды вступления. Совсем рядом, в опасной близости, я услышал громкий, восторженный стук человеческого сердца. И вновь раздалось беззвучное: «Так в чем же дело!..» Жаркое пламя коснулось моих губ, музыка застыла на одной ноте, прервалось дыхание подростка, замерли в воздухе танцоры, мир остановился... Но я сильно, до боли, сжал ладонь в кулак. Так, что ногти врезались в кожу. Боль немного отрезвила, и огонь отступил. Я опять мог видеть, слышать и чувствовать не только свои желания. Снова заиграл оркестр, и Лориан, стряхнувший опасную паутину – с улыбкой обернулся.

– Ну, как тебе?!

– Нравится.

В темноте зала его глаза блестели, в их глубине, доступной только моему взгляду, вспыхивали золотые лучики чистого, почти солнечного света... А я и забыл, что такое бывает. Еще где-то бывает...

– Но ты совсем не слушаешь!

– Слушаю.

Он отрицательно покачал головой, слегка склонил ее к плечу... Мой голод и жар опять стали едва выносимы.

– Не слушаешь. Ты смотришь так, словно... – Он не нашел нужных слов и отвернулся к сцене.

...Он и не мог их найти.

Гемран, как всегда, не разочаровал своих поклонников. В роли кровожадного, но страждущего призрака он был великолепен. Сильный, низкий, чуть хрипловатый голос рок-певца вплетался в мощное пение труб органа. И у меня пробежал мороз по спине, когда со сцены звучало страстное и отчаянное: «Я жизнь свою на ноты положил...» От музыки Баха начинало колотить. Слишком много правды, боли, ярких картин было скрыто в музыкальных фразах.

Пришлось закрыть глаза и снова сжать ладони в кулаки, потому что на меня хлынул поток человеческих чувств. Восторг, замороженное оцепенение, потрясение, грусть, жалкий

внешний скептицизм: «слышали мы и не такое», – а под ним все то же восхищение. А рядом со мной яркое, почти слепящее изумление и счастье Лориана, очарованного волшебной музыкой и голосом. Жаль только, мальчишка не понимал итальянского, на котором Призрак пел свою арию.

Я наклонился ближе к юному фэну и шепотом стал переводить:

Безумец я! Прозрение пришло. Покоя нет,
Лишь страсть во мне – всевластна.
Как лезвие клинка мечта была опасна:
Я жизнь свою на ноты положил.
Безумец я...

Он внимательно слушал несколько секунд, а потом вдруг затряс головой и зашептал яростно:

– Нет! Не надо! Так хуже! Я не понимаю, но чувствую, что он говорит!

Я улыбнулся и отодвинулся на прежнее место. Правда. Чувствует.

Долгая тягучая нота органа заглушила голос певца. Последние слова утонули в дрожащем минорном «фа». Мгновение зал сидел молча, словно зачарованный, а затем взорвался аплодисментами.

Лориан повернул ко мне светящееся от восторга лицо. Глаза его блестели.

– Потрясающе! Просто обалденно!

– Лориан. Мне нужно уйти ненадолго.

– Что-то случилось? – Счастье и удовольствие мгновенно смыло с его лица.

– Нет, все хорошо.

Он стал подниматься следом, не спуская с меня огорченного и удивленного взгляда, но я указал ему на прежнее место:

– Останься здесь. Дождись меня. Я скоро вернусь.

Он остался один. Немного удрученный и недоумевающий.

Я вернулся в самом конце антракта. Сердце мое снова было спокойно, почти холодно. Угли недавнего пожара смиренно тлели где-то в глубине души, и возвращение к прежнему безумству казалось слишком утомительным.

Лориан не обернулся, когда я вошел в ложу, продолжая рассеянно постукивать ладонью по бортику и смотреть в зал.

– Извини. Я задержался.

Резкое движение плеча, короткий равнодушный выдох в ответ:

– Я хотел купить программку. Теперь не успею.

– Будешь мороженое? Сливочное, с орехами и кленовым сиропом.

Подросток искоса взглянул на меня и удивленно приподнял бровь, увидев в моих руках запотевший стаканчик с пластиковой ложечкой.

– Знаю, этим невозможно восполнить потерю, но, может, все же попробуешь?

Рассмеявшись, он взял стакан:

– Ты просто... телепат! Как ты догадался, что я смертельно хочу мороженого?

Он занялся было десертом, но, скользнув взглядом по моему лицу, с легкой тревогой

остановился:

– Дарэл, у тебя... кровь?

Я прикоснулся к губам и посмотрел на кончики пальцев. На одном осталась маленькая алая капелька.

– Пустяки. Прокусил, наверное.

– Дать тебе платок?

Потянулся к карману, но я опередил его:

– Нет. Спасибо. У меня есть... Ешь свое мороженое.

В последней сцене, когда человек-призрак умирал под черную, тяжелую, мрачную музыку, Лориан сидел, сжавшись, в кресле, исподлобья смотрел на сцену. И оглушал меня состраданием к выдуманному персонажу...

Занавес опустился в полной тишине. И снова овации. Распаренный, довольный Вэнс в распахнутой на груди шелковой рубашке выходил на поклон. Принимал букеты, завернутые в хрустящий целлофан, улыбался своим партнерам. Но это было «уже не то», как неожиданно почувствовал Лориан. Ему больше нравился тот одинокий, опасный Призрак, чем благополучный Британец, освещенный прожекторами славы. Мальчишка не сказал мне ничего, но засомневался, хочет ли знакомиться с певцом лично. Вдруг тот окажется «совсем не таким».

– «Нельзя прикасаться к идолам, – произнес я негромко, – позолота остается на пальцах»^[1].

– Что? – Тинейджер, пробирающийся между кресел к выходу, оглянулся на меня, озадаченно наморщив лоб.

– Ты все еще хочешь посмотреть на Вэнса вблизи?

– Да! Конечно! – Мимолетные сомнения были забыты! «Это же сам Вэнс!!!»

Рабочие помещения оперного театра, в отличие от блистательной сцены и роскошного зала, были холодными, серыми, мрачными. Чрезмерно высокие потолки с остатками лепнины, тяжелые, скрипучие двери, сквозняки и вечные звуки нежилого, старого дома. Заглушённые закулисной суетой, они были доступны только моему обостренному слуху. Пение ветра на чердаке, потрескивание рассыхающихся деревянных панелей, возня крыс в кучах старого реквизита в подвале. Шелест, шепот, шуршание, вздохи.

Остатки давних эмоций, отголоски древних страстей. Думаю, Кристоф увидел бы здесь настоящих призраков, не упокоенных жителей потустороннего мира. Я слышал лишь голоса, произносящие обрывки монологов, улавливал чувства. То далекие, серые, как будто присыпанные пылью, то взрывающиеся яркой жгучей болью.

Слишком долго люди жили здесь чужими чувствами, слишком правдиво страдали, любили и ненавидели – каждый вечер на сцене, каждый день в репетиционном зале и гримерных. Наверное, кое-кто из наиболее чувствительных актеров видел тут фантомы – маленьких балерин с голубоватыми от холода плечами и тонкими ногами, грациозных и печальных, черную сторбленную фигуру старого трагика, мелькающую в конце темного коридора. Слышал хлопки невидимых дверей и серебристую, тающую вдали, музыку.

Но сейчас никому не было дела до таинственных звуков. Опера гудела реальными живыми голосами.

Вэнс сидел в своей гримерной, в компании приятелей-артистов (двоих из них я знал,

третий был новеньким), пары симпатичных поклонниц и нескольких бутылок вина. Узкое, ярко освещенное помещение было заставлено корзинами цветов. Их ароматы плыли, смешиваясь с запахом человеческого пота и театрального грима. Особенно удушающе благоухали белые лилии.

Гемран больше не играл на публику, но выглядел, как всегда, эффектно. Темные мелко вьющиеся волосы небрежными прядями спадали на широкий воротник белой рубашки, на шее серебряная цепь в палец толщиной, на ней болтается амулет непонятного назначения. Черные кожаные штаны слегка потерты, на правом колене подсыхает рисунок, сделанный красной губной помадой, – сердце, перечеркнутое колючей проволокой. Широкие скулы, тяжелый подбородок – лицо крестьянина или разнорабочего. Неуловимый взгляд.

Вэнс предпочитал смотреть в свой стакан, а не на собеседника. Но когда удавалось заглянуть в его глаза, было видно, как сияет в них яркая, переменчивая, человеческая сила. Внутренняя гениальность – так я называл про себя этот свет.

Фэриартос до сих пор не добрались до него только потому, что он не был красив. А наша богема принимала в свой клан лишь физически совершенных людей.

Лориан, слегка робея, держался позади, но успевал с любопытством оглядываться по сторонам.

Меня приветствовали радостными, дружелюбными возгласами. Выделили место рядом с Вэнсом, вручили стакан с вином. Мальчишка пристроился на краешке сиденья около меня, с восторгом разглядывая своего кумира.

При ближайшем рассмотрении Британец выглядел уставшим. Вымотанным до предела, выжатым. Вокруг глаз темные круги, щеки запали. Тяжелые крестьянские руки устало лежали на подлокотниках кресла, как будто только что выпустив рукоять плуга. Гемран честно «отпахал» оперу и теперь отдыхал. Его не поддерживала нервная энергия, которая часто бурлит в артистах после представления. Он чувствовал усталость сразу, как только опускался занавес. Ему хотелось спать, но традиция требовала посидеть с друзьями и выпить за успешную премьеру.

– Ну, как? – неопределенно поинтересовался рок-певец, внимательно рассматривая носок своего ботинка.

Вопрос был обращен ко мне. Он знал, что я был на премьере, и теперь хотел услышать мое мнение.

– Отлично. Мне понравилось. Только в последнем акте ты слегка переигрываешь.

– Ха! – Сидящий напротив парень презрительно выпятил нижнюю губу. Его волосы были покрашены в черный цвет, одежда полностью из черной кожи. – Мнение дилетанта.

Вэнс проигнорировал это высказывание, пристально взглянул на меня:

– А что зал?

– Полный восторг. Особенно в третьем акте.

Глубокая морщина на лбу певца разгладилась, он улыбнулся.

– Ерунда, – заявил все тот же скептик. – Ты сам видел реакцию зала.

– Дарэл – эмпат, – пояснил терпеливый Гемран. – Он не только видит, но еще и чувствует.

Я ощутил на себе быстрый, внимательный взгляд Лориана.

– И в чем конкретно выражается эта сверхчувствительность? – Парень в черной коже уставился на меня с недоверием. – Ты можешь почувствовать реакцию целого зала?

Кэнзо усмехнулся. Я не знал его настоящего имени, только прозвище. Он был главным

исполнителем почти всех ролей героев-любовников в театре. Особым талантом не отличался, зато радовал глаз скульптурной правильностью черт лица.

– Что, Лорд Вампир, не верится? – спросил он насмешливо, вытащил из ведерка со льдом бутылку, стараясь не капнуть на брюки, отпил прямо из горлышка.

Мне показалось, что я ослышался:

– Как ты его назвал?

– Лорд Вампир, – повторил Элл – бас-гитарист из группы Вэнса, показывая в улыбке чуть крупноватые, но ровные зубы. Протянул руку и забрал у приятеля бутылку. – Он гот.

Одна из девиц, блондинка в слишком узком для нее синем платье, захихикала. Другая – неестественно черная брюнетка – с обожанием смотрела на «лорда», внимая каждому его слову.

Среди моих друзей было много странных индивидов. Включая типов с весьма экзотичным разделением личности. Но с готами общаться пока не приходилось. Поэтому я с любопытством, не уступающим пытливости Лориана, уставился на новый человеческий экземпляр. Интересно, насколько серьезно его увлечение потусторонними силами?

«Лорд Вампир» думал, что шокировал меня, и теперь с горделивым удовольствием ждал вопросов, которые обычно задают в таких случаях.

– Ты правда вампир? Настоящий?

– В нашем мире нет ничего настоящего и постоянного, – ответил он, наслаждаясь вниманием всех присутствующих. – Все относительно и временно. Да, я вампир.

Лориан рядом едва слышно скептически хмыкнул, но от комментариев вслух воздержался. Я внимательно взгляделся в готического приятеля Вэнса. Черные волосы, скорее всего крашенные, темная одежда, светлая незагорелая кожа, безграничное удовольствие от своего придуманного, эффектного образа. Ну да, и конечно же великолепные искусственные клыки, продемонстрированные мне в широкой улыбке. Образец стоматологического искусства.

– Невероятно, – произнес я задумчиво. «Вампир» был польщен моим изумлением и решил, что его оригинальность превосходит мою. – А что, кровь ты пьешь?

– Естественно, – лениво признался тот. – Время от времени это необходимо.

– И где берешь?

– Из банки с томатным соком, – снова вмешался в беседу Кэнзо, жестом велел кому-то заглянувшему в гримерную из коридора закрыть дверь. – Цвет и консистенция почти одинаковые, а воображение восполнит недостающие вкус и запах.

«Вампир» раздраженно сверкнул на него глазами. Лориан и блондинка в синем платье одновременно фыркнули от смеха. А я вдруг увидел яркую картину из памяти гота. Темная кухня, горящие свечи, красные шторы на окнах. «Лорд» в бордовом халате с длинным поясом подходит к черному холодильнику, открывает дверцу и достает стеклянную банку с густой красной жидкостью. С лицом величественным и непроницаемым наполняет хрустальный кубок. Направляется в комнату. Там, среди шелковых красных подушек на кровати возлежит брюнетка в черном кружевном пеньюаре. Ее губы намазаны темно-вишневой помадой, глаза покрашены черными тенями, короткие волосы, естественно, тоже черны, как ночь. Она медленно протягивает руку, и «вампир» подает ей кубок с томатным соком, изображающим кровь.

Мне стало смешно. Но я вовремя успел прикусить нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. Люди очень трепетно относятся к своим увлечениям и образу жизни. Не стоит насмехаться

над тем, что им дорого. Пусть лучше этот парень играет в вампира, чем станет настоящим. Одним из тхорнисхов, например.

– Я тоже увлекаюсь готикой, – заявил неожиданно Лориан, и покраснел, когда все посмотрели на него. – То есть готической музыкой. Гемран, я слушал ваш диск. «Немезида». Он весь об этом.

– Я играю музыку разных направлений, – снисходительно ответил Вэнс, выслушав мальчишку.

– Кстати, – вмешался я. – Это Лориан, твой большой фанат. Дай ему автограф.

Гемран выдвинул ящик стола, возле которого сидел, с грохотом разворошил его содержимое.

– Где-то у меня был подарочный диск. А, вот.

Вытащил плоскую квадратную коробочку и маркер.

Достал вкладыш из-под крышки, размашисто расписался под своей фотографией. Протянул подростку:

– Держи.

«Лориану, который любит готику так же, как и я», – прочитал подпись мой протеже и глубоко вздохнул. Восторг был полным.

– Спасибо! Это... это здорово! Я даже не думал, что когда-нибудь буду сидеть в одной комнате с самим Гемраном Вэнсом!

Он наконец произнес эту фразу вслух и покраснел еще сильнее.

– Не за что. Приходи еще, буду рад видеть, – с улыбкой отозвался рок-певец. Ему было приятно. Мое одобрение и восхищение юного фэна пришлись очень кстати, поддержав творческое вдохновение. Вещь капризную и требующую постоянного стимулирования.

Мы посидели еще минут пятнадцать, послушали болтовню музыкантов, потом попрощались и ушли. Естественно, Лориан готов был провести в компании Вэнса хоть всю ночь, но я проголодался.

На улице было холодно. Ветрено. Низкие тучи затянули небо. Временами начинал накрапывать дождь. Обещанный циклон все-таки добрался до нас и накрыл город.

Мы шли до метро дворами. Здесь было тихо и безлюдно, только пару раз встретились унылые владельцы собак, вынужденные в любую погоду сопровождать своих питомцев по их неотложным делам. Люди не обратили на нас внимания, зато животные забеспокоились.

Одна из них, овчарка, зарычала на меня, вздыбив шерсть на загривке. Однако в ее голосе было больше испуга, чем грозного предупреждения. Другая – кудлатая болонка – с визгом умчалась в дальний конец двора и залилась там истеричным звонким лаем.

– А тебя собаки не любят, – задумчиво произнес Лориан. – Интересно, почему?

– Наверное, потому, что любят коты, – пошутил я.

Хотя это было неправдой. Коты меня тоже боялись.

Мальчишка улыбнулся и снова задумался. Его мысли перескакивали с одной на другую. Ассоциации возникали самые дикие. Чувства тоже казались растрепанными. «Друзья обалдеют... автограф самого Вэнса... на оперу бесплатно попал, сам бы билет не купил, их в кассах уже месяц нет, а в принципе какая разница... нормальный парень этот Дарэл, хоть и чудной. Но по крайней мере не такой, как тот гот...»

– По-моему, это глупо, – озвучил он последнюю мысль, глядя на светящиеся окна дома, мимо которого мы проходили, – считать себя вампиром.

Мне стало любопытно.

– Ты думаешь?

– Точно! Можно играть в кого-то другого. Но быть уверенным, что ты на самом деле – вампир, странно. Тебе не кажется?

– Игра и реальность очень близки. – Я перешагнул через лужу, в которой отражался светящийся круг фонаря. – Ты бы удивился, если узнал, сколько людей хотят стать не тем, чем являются на самом деле. Им проще быть кем-то другим, нежели собой. Это уход от реальности, от собственного несовершенства.

Лориан подозрительно посмотрел на меня:

– Ты не психолог случайно?

– Я эмпат, ты же слышал.

– А тебя, значит, все устраивает в себе?

– Почему ты так решил?

– Выглядишь очень довольным, благополучным. И ощущение от тебя такое же. Человек, у которого все отлично.

– В твоём голосе слышится ехидство.

Он улыбнулся:

– Нет, я серьезно. Ты очень... – Лориан задумался, подбирая нужное определение. – Беспечный, что ли.

– Проблемы есть у всех. – Ответил я резковато.

Разговор о себе самом уже начал немного утомлять.

Но мальчишку это не смутило. Ему очень хотелось узнать: кто я такой, что у меня на уме, и каким образом мне удалось познакомиться «с самим Вэнсом»?!

– И какие у тебя проблемы?

– Недостаток общения.

От неожиданности он едва не споткнулся:

– Это у тебя недостаток общения?!

В душе у него мелькнуло не очень приятное чувство. Подозрение, что я «выпендриваюсь» и набиваю себе цену.

– Очень многие хотят быть не тем, кем являются. Изображают не то, что испытывают на самом деле. А я улавливаю их подлинные чувства. И знаешь, как редко удастся встретить человека, у которого внешние и внутренние эмоции совпадают?

Лориан нахмурился, машинально звякая мелочью в кармане куртки:

– Ты чувствуешь это, потому что эмпат?

В его голосе звучало некоторое сомнение. Он еще не до конца поверил в мои редкие психические способности.

– Да. С тобой, например, мне общаться легко. Ты говоришь то, что чувствуешь. У меня нет ощущения постоянного раздвоения, когда человек улыбается тебе, а сам испытывает глубокое отвращение.

Подросток наклонил голову, глядя себе под ноги, засунул руки глубже в карманы. Задумался. Принял мое объяснение:

– Но ведь многие понимают, когда им врут или лицемерят. И для этого вовсе не нужно обладать какими-то особыми способностями.

– Понимают. Но не чувствуют, как я.

Мальчишка кивнул. Его не задело, не покорило мое признание собственной

уникальности.

– А где ты работаешь? То есть твоя работа как-то связана с твоими способностями?

– Я консультант в одной... фирме. – Даже не соврал.

Просто упростил до человеческого уровня понимания свое занятие.

– Ясно. – На самом деле ему было совсем не ясно, кого и для чего я консультирую, но он посчитал невежливым расспрашивать дальше.

Следующие пять минут мы шли молча. Каждый из нас думал о своем, не испытывая ни малейшего желания посвящать в эти мысли другого. Вышли на Кутузовский проспект. Здесь дул сильный, порывистый ветер. В разрывах облаков проглядывали куски черного неба. Звезд не было видно, их затмевали огни реклам. По дороге мчались машины, с гладких полированных боков срывалась дождевая пыль.

– Тебе куда? – спросил Лориан, имея в виду метро.

– Серая ветка.

– Дать тебе номер моего телефона? А то Вэнс не успел.

– Говори, я запомню. И запиши тогда мой.

Он полез в карман, вытащил блестящий новенький сотовый, нажал на несколько кнопок, продиктовал свой телефон, сохранил «мою» запись.

– Ну что? Счастливо, Лориан.

– Пока. Спасибо большое за Гемрана.

– Не за что, – повторил я ответ Вэнса.

Я шел вдоль Дмитровского шоссе, рассматривая спешащих навстречу прохожих. Усталые, сосредоточенные, хмурые, счастливые, равнодушные, заинтересованные лица. Если бы я не умел защищаться, они смели бы меня потоком своих мыслей и эмоций.

Мне нравилось бродить по городу, среди людей. Не глядя «выхватывать» человека из толпы и читать его эмоции, видеть мир, окрашенный его чувствами. Для одного ночь была черной, враждебной, холодной. Для другого – мистической и романтической. Для третьего – временем суток, которое нужно тратить только на сон или секс.

Я поднялся по узкой лестнице на железнодорожный мост. Облокотился о перила, глядя на шоссе и пролетающие подо мной редкие автомобили. За спиной, грохоча и обдавая жаром, пронеслась электричка. Железные ограждения затряслись, передавая вибрацию моим ладоням.

А ведь, пожалуй, мне не хватало ощущения, которое возникло в присутствии Лориана. Тепло, беззаботность. И солнце. Я видел мир, освещенный солнцем, в его воспоминаниях. Очень правдоподобно. Почему-то никто из моих человеческих друзей не держал в памяти блики света, играющие на листьях, длинные лучи, тянущиеся между стволов деревьев, черные тени от домов...

Я закрыл глаза, представляя это реальнее, и вдруг сквозь шум очередной электрички, бормотание голосов и гул ветра в опорах моста до меня долетел зов. Глухой и отчаянный вопль:

– Дарэл! Дарэл, помоги! Помоги-и!

Машинально повернувшись в сторону, откуда прилетел крик, я произнес мысленно:

– Слышу. Кто зовет?

– Артур... Арчи. Я в «Хамелеоне».

– Буду через... – я глянул на часы, – десять минут. Жди.

– Жду! – всхлипнули в ответ.

На месте я оказался через семь с половиной минут. Улица была мне отлично знакома. На ней находились ночные клубы и бары с сомнительной репутацией. За поворотом – военное училище. И, насколько я знаю, будущие военные частенько отрывались здесь от нудной строевой службы. Я приходил сюда не чаще одного раза в две недели, чтобы поесть. В городе насчитывалось около трех десятков подобных заведений – я регулярно посещал их.

Присутствие Арчи чувствовалось по резким вспышкам паники и страха. Я видел этого парня у Констанс. Мелькал он там последние несколько месяцев. Высокий, тощий, нескладный, нервный. Сталкиваясь со мной в коридоре, смотрел с тихим благоговением и поспешно уступал дорогу. Взгляд как у нашкодившего щенка, ожидающего трепки, постоянное желание сделать все правильно, и полное незнание, что именно – правильно. А в глубине души – хорошо скрытая злоба отчаяния.

Интересно, что натворил мой младший братец? И не вызывает вопросов, почему он не просит помощи у Констанс. Темпераментная ирландка имеет склонность жестоко наказывать за малейшую ошибку. А я слышу в клане личностью либеральной и снисходительной.

В клубе, как всегда, было шумно, полутемно и накурено до омерзения. Толкались в дверях девицы, приличные и не очень. Компания развязных молодых людей лениво переговаривалась и посматривала по сторонам с голодной жадностью. Больше всего их интересовали те самые не очень приличные девицы и выпивка со скидкой, полагающейся по флаеру. Бродили одинокие дамочки, профессия которых без труда читалась на их лицах... Еда, всего лишь еда.

И по традиции на фейсконтроле ко мне опять привязалась одна из охранниц. Дважды проверила карманы и, как обычно, не нашла ничего запрещенного. Она помнила меня в лицо и искренне считала извращенцем, который приходит в клуб за удовольствиями сомнительной чистоты. Забавно было чувствовать ее брезгливое высокомерие и ехидное «все я про тебя знаю».

Кристоф никогда не ходил в подобные «клубы», его раздражала толпа, хамство охраны и музыка. Впрочем, нет, однажды мы были здесь вместе. Он с непроницаемым лицом оглядел малый зал, прошел в бар и, ничего не сказав, вышел вон.

Арчи ждал меня. Он сидел на корточках в мужском туалете, прислонившись спиной к стене, и смотрел в кафельный пол. Серые спутанные волосы свешивались на его лицо, кожаная куртка, предназначенная для того, чтобы придавать больший объем худосочной фигуре, сползла с плеч, согнутые колени торчали под острым углом, на одном – джинсы порваны. Дань моде или последствия драки. На расстроенного парня не обращали внимания. Не до него.

Под потолком висело три телевизора. На одном из них лениво сменялись кадры старого порнографического фильма. В противоположном углу двое торопливо курили, передавая друг другу сигарету, судя по запаху дыма – с марихуаной. В одной из кабинок что-то билось о стену через равные промежутки времени, шумела вода в поломанном бачке.

Люди входили и выходили, оставляя после себя дрожащий, запутанный эмоциональный фон, от которого я постарался жестко отключиться.

– Привет.

Арчи вскинул голову, увидел меня, и глубокое отчаяние на его лице сменилось отчаянной надеждой. Вскочил, покачнувшись на ногах, затекших от долгого пребывания в одной позе. Схватил меня за рукав:

– Дарэл! Как хорошо, что ты пришел!

Парни с любопытством покосились на нас, но я тут же создал легкую «завесу», и любители покурить в туалете потеряли к нам интерес. На какое-то время для людей мы перестали существовать.

– Что случилось?

Он выпустил мой рукав, сжал кулаки, шмыгнул носом:

– Я убил ее. Женщину. В «Лабиринте». Я не хотел. Так получилось. Случайно. Она дернулась, и я...

Он говорил с трудом, как будто выталкивая из себя слова. И смотрел на меня с ожесточением, готовый выслушать справедливые упреки и оскорбления.

– Ты уверен?

– Конечно! Да. Уверен...

Неприятно. И, главное, не вовремя. Убийство человека в общественном месте одним из даханавар^[2]. Интересно, как это отразится на тонкой межклановой политике. Представляю довольную физиономию Амира. «Вот вы, уважаемые Мормоликаи^[3], говорите о гуманности, а сами смертных в борделях режете. Ах, это был не бордель? Ночной клуб?»...

Похоже, предвидение этих слов отразилось на моем лице или долетело отголоском до Арчи. Он снова шмыгнул носом:

– Знаю! Я не должен был! Я не хотел! Это получилось случайно! Что теперь будет?! Констанс сразу почувствует, что я убил. Мы же не должны! Не имеем права убивать. И полиция... они найдут труп и... там кругом мои отпечатки пальцев. На ее сумочке и на ожерелье. У нее на шее было такое широкое блестящее... И мой телефон. Я дал ей свою визитку. Идиот! Какой же я идиот!!!

В полном отчаянии он ударил себя кулаком по лбу. Я перехватил его руку, удерживая от более серьезного членовредительства:

– Где это произошло?

– В «Лабиринте». Я же говорю. Меня теперь арестуют, да? Меня посадят? Слушай, я не могу! Я просто не могу попасть в тюрьму!!!

– Успокойся!

Он вздрогнул и замолчал, напуганный моим резким окриком.

– Сначала пойдем посмотрим.

– Я не пойду! Нет! Нет! Я не могу идти туда!

– Пойдешь.

И Арчи, конечно, пошел.

Я мельком взглянул на своего спутника, попытался прочувствовать его. С родственниками это сложнее, чем с людьми.словно темная, густая завеса окружает любого из нас, скрывая мысли и чувства. По желанию собрат может слегка раздвинуть ее, чтобы пообщаться мысленно, или, наоборот, сделать свою мысленную защиту совершенно непроницаемой.

Я умел рассеять «щит» любой степени прочности (за что меня и ценили в родном клане), но сейчас не было необходимости применять свои способности. То ли Арчи еще не умел защищаться от телепатических нападений, то ли был слишком расстроен. Едва

«прикоснувшись» к нему, я почувствовал страх. Мальчишка отчаянно трусил. И непонятно, чего он боялся больше – гнева Констанса (а наши дамы-Даханавар страшны в ярости), полиции (этот страх почему-то был очень силен) или непонятных последствий нарушения Клятвы, принятой несколькими кланами еще в незапамятные времена – Даханавар, Кадаверциан, Нософорос, Лигаментиа, Фэриартос, и Вьесчи не должны были лишать смертных жизни.

Даханавар вообще не имели права причинять людям вреда – ни физического, ни психологического. По этическим соображениям и во имя доброй славы рода.

Кадаверциан и Нософорос были гуманны из чисто практических соображений: сегодня ты убиваешь, завтра тебе нечего будет есть.

Лигаментиа приняли Клятву по каким-то своим, малопонятным и сложнообъяснимым причинам, но строго соблюдали ее. До тех пор пока были в здравом уме.

Фэриартос, видимо, были слишком красивы сами и чрезмерно эстетствовали для зрелища смерти.

«Старицы-Даханавар» вынуждали Вьесчи подчиняться Закону – пока соглашение, заключенное между нашими кланами, остается в силе. (Впрочем, никто не мог поручиться, что в один из подходящих моментов негоцианты не расторгнут стратегически выгодный союз, чтобы объединиться с кем-то другим. И тогда игра пойдет по совершенно иным правилам.).

Если же говорить о Грейганн – те следовали только стечению обстоятельств и природной необходимости. Спокойно могли отпустить живым человека, если тот не начинал сам каким-нибудь образом раздражать их. Так иногда делают сытые тигры. Но вряд ли они хоть на секунду задумывались, если жертва погибала.

Оставшиеся два клана плевали на Клятву, людей и на нас тоже.

Асиман могли бы оправдать свое равнодушие к чужим жизням научной необходимостью. Если бы захотели. Но они никогда ни перед кем не оправдывались. Им было все равно.

А Тхорнисх, вообще, считались вырожденками. И если с первыми иногда удавалось хоть как-то договориться, то «ночные спасители» творили такие зверства, от которых даже у выдержанного Кристофа начиналась неконтролируемая нервная дрожь, и говорить о них он мог только на старофранцузском, потому что современные языки утратили больше половины ругательств.

Об остальных четырех кланах я практически ничего не знал. Они пропали, затерялись где-то в прошлых веках. И никому сейчас не было дела до их этических представлений.

Мы вышли в коридор. Было заметно, что веселье идет на убыль. Основные огни потушили, людей осталось немного, и все уже какие-то «смазанные», оглушенные, замедленные.

В основном зале звучали слащавые легкие песенки и уныло прыгали молоденькие девчонки в компании курсантов первого года обучения. От вспышек неона под потолком у меня, как всегда, немедленно заломило зубы.

На второй танцевальной площадке пульсировала музыка потяжелее. В четырех «клетках», установленных в разных концах просторного помещения, довольно профессионально изгибались девушки в коротких серебристых шортиках и узких топиках. На сцене, возвышающейся в центре, по пятницам проводились пошлейшие конкурсы типа «Получи музыкальный центр, изобразив самую эротичную позу» или «Почувствуй себя

трансвеститом».

А между двумя дискотечными площадками тянулся «Лабиринт». Темный коридор с неосвещенными нишами – закутками, где парочки, пришедшие в клуб, могли уединиться. На входе справа стоял охранник в черном костюме с белым пятном бейджа на груди, слева – новенький автомат, выдающий презервативы и жевательную резинку. Из темноты веяло жалкими вялыми всплесками эмоций, словно туда сползли полусонные рептилии, желая погреться друг о друга перед тем, как впасть в спячку.

Я машинально потряс головой и взглянул на хмурого Арчи, нервно покусывающего нижнюю губу.

– Там?

– Да.

– Пойду посмотрю.

Но я не успел. Из «Лабиринта» вылетел такой яркий и мощный поток страха, что мои рецепторы парализовало на мгновение, затем раздался громкий вопль, и в зал вылетел подросток, на ходу застегивая джинсы.

– Она там! – вопил он. – Там! Мертвая! Кровь! Лежит!

И началась обычная бессмысленная человеческая паника. Беготня, крики и столпотворение.

– Ну все. – В голосе Арчи прозвучало обреченное спокойствие самоубийцы. – Мне конец.

– Пока еще нет.

Я взял его за локоть и, преодолевая легкое сопротивление, отвел подальше от входа в «Лабиринт», к углу сцены.

– Я знаю, кто мог бы тебе помочь.

Мой непутевый родственничек покосился на двух девчонок, испуганно топчущихся неподалеку, и спросил дрожащим голосом:

– Кто?!

– Некромант, естественно. А теперь помолчи немного.

Арчи испуганно замер, не зная, принимать ли мое заявление о некроманте всерьез. Я настроился, прислушался и позвал мысленно:

– Крис... Кристоф!

Целая минута ожидания и наконец:

– Дарэл?..

– Крис, мне нужна твоя помощь.

– Где ты?

– Клуб «Хамелеон».

– Еду.

Арчи, преданно заглядывающий мне в глаза, восторженно:

– Ну? Что?

– Ждем.

– А он точно придет?

– Обещал. А теперь расслабься и объясни, почему ты так боишься полиции?

Расслабиться у Арчи не получалось – он не сводил глаз с темного провала «Лабиринта», где лежала изувеченная им женщина, и периодически нервно вздыхал. Я видел в его воспоминании девушку с неестественно вывернутой окровавленной шеей.

– У них в картотеке есть... кое-что на меня. Я отпущен на поруки, и если на меня повесят еще и убийство...

– Ну и что?

– Дар, ты не понимаешь! Ты слишком давно не человек! Тебе все равно! Никто не знает твоего адреса, не помнит в лицо, кроме таких же, как ты! А я... родители умрут, если узнают, что их сын – убийца!

Я взял его за плечи и развернул к себе, заглядывая не только в глаза, но и глубоко в душу.

– А что будет с ними, если они узнают, что их сын вампир? Они ведь не в курсе этого?

Арчи закусил губы. Мне показалось – еще немного и он расплчется.

– Мальчик, как же ты ухитришься скрывать?! Это просто невозможно!

– Отец часто уезжает в командировки, его подолгу не бывает дома, а мама... маме я говорю, что работаю по ночам. Я знаю, что так долго продолжаться не может, но... Дарэл, я люблю их, они же не виноваты! Я не могу бросить их!

– О да! – Я легко оттолкнул его, и парень снова прижался к стене, глядя на меня несчастными, покрасневшими глазами. – Единственное, чего я не понимаю, – зачем Констанс обратила тебя.

– Я очень хороший компьютерщик, прирожденный хакер, я могу взломать любую систему. Констанс говорила, что вам это может быть очень полезно.

– Поэтому полиция интересуется тобой?

– Да. Однажды я попался, случайно... Но мне удалось выкрутиться. А в этот раз... В этот раз не знаю, что будет.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Давно ты в клане?

– Четыре месяца.

– Глупый птенец! Констанс знает, что ты продолжаешь общаться с родными?

– Я не говорил... но, наверное, она догадывается. Она сказала, что я должен забыть прежнюю жизнь, друзей, родителей, но я не могу. Не говори ей. Она очень умная, но она не поймет. А ты... я знаю, ты умеешь читать чувства. Ты же понимаешь меня?!

Сколько отчаяния и тоски! Сколько ошибок еще он наделает, пытаясь соединить две несовместимые жизни.

– Я понимаю тебя.

Пока еще понимаю, но это продлится недолго. Через несколько лет ты почувствуешь в себе силу и равнодушие к смертным, тебя начнет раздражать их неповоротливость, бессмысленная суета, их привычки и слабости, запах человеческой еды будет непереносим, а запах их крови сладок и притягателен. Тогда ты станешь достойным представителем клана, и Констанс перестанет сердиться на тебя.

– Дарэл! – Арчи дотронулся до моей руки, прерывая неприятные раздумья, и почтительно показал взглядом на высокую фигуру, приближающуюся к нам.

О легендарном Кристофе, самом могущественном колдуне из клана Кадаверциан, знали все. Мой братец-даханавар с жадным любопытством, перекрывающим даже страх за свою судьбу, рассматривал историческую личность. Забавно было читать его мысли: «Лет двадцать восемь... ну, может, тридцать. Высокий! А говорят, в древности все были низкими. Сколько же он живет? Восемь? Десять веков? Да, видно, что старый. Лицо несовременное. Как на картине... Но фигура вполне спортивная. Девушки по нему должны

с ума сходить. Он, вроде, француз?.. Ну да, они все темноволосые... И у этого волосы черные. Длинные слишком. И глаза чудные... ненормально зеленые какие-то. Или это потому что он некромант?» Арчи, снова вспомнив о «специализации» кадаверциана, непроизвольно отступил. Я усмехнулся про себя и шагнул навстречу колдуну.

– Кристоф! Я рад тебя видеть! Ты очень вовремя. Нам нужна помощь.

– Я понял. – Мой друг оглядывался по сторонам, на свой лад «сканируя» пространство. Он уже чувствовал знакомый запах смерти. Арчи резко вздохнул и с отчаянной мольбой уставился на меня.

– Ты его последняя надежда, – сказал я кадаверциану. – Сделай что-нибудь, иначе у мальчика будут неприятности.

Кристоф холодно и равнодушно посмотрел на хакера, тот сжался под его взглядом и не решился вымолвить ни слова в свое оправдание.

– Крис, ради меня.

Несколько мгновений кадаверциан изучал оцепеневшего мальчишку-даханавара, потом отвернулся и сказал с прежним высокомерием в голосе:

– Только ради тебя, Дарэл... Кстати, у дверей остановились две полицейские машины в полной боевой готовности, так что можете пока придумать себе правдоподобное алиби.

– Мы не сможем сейчас подойти к телу?

Кристоф отрицательно покачал головой, взгляд его стал пустым, безжизненным, глаза потемнели из-за расширившихся зрачков. В воздухе вдруг запахло резким и свежим запахом аниса, совершенно неуместным в прокуренном «Хамелеоне». В пальцах Криса зашевелилось что-то. Он изо всех сил сжал этот как будто живой комок. Прошептал над ним заклинание, потом быстро прокусил запястье и позволил нескольким каплям крови упасть в пульсирующий «огонь».

– Что ты сделал? – спросил я с неуместным любопытством.

– Сейчас увидишь. – Кристоф жестом заставил нас отступить дальше к стене.

А еще через мгновение полутемный коридор заполнился людьми в форме. Спокойно, по-деловому, они оттеснили любопытствующих. Самый главный свидетель – все тот же мальчишка-подросток – возбужденно и, видимо, уже не в первый раз рассказывал сосредоточенному, хмурому офицеру, где и как он нашел тело. Заместитель директора клуба с унылой физиономией вяло пытался объяснить назначение «Лабиринта» и с тоской оглядывался по сторонам. К нише приблизился врач.

В этот момент Кристоф приподнял ладонь. И дальше произошло невероятное. Девушка, несколько мгновений назад лежавшая в темном закутке в неестественной позе с вывернутой шеей, приподнялась на полу, вскочила, сделала несколько шагов... И вот она уже стояла рядом с представителями власти. Живая. Более того – на ее горле и лице не оказалось ни капли крови.

– В чем дело? – резко спросила она у ошеломленного офицера полиции. – В чем дело, я вас спрашиваю?!

– Извините, барышня, – начал тот долгое и неприятное объяснение. – Нам сообщили, что вы...

– Да она была мертвая! – закричал парнишка, чувствуя, что из важного свидетеля он превращается во всеобщее посмешище. – Говорю вам, она была вся в крови и не дышала!

– Вы что, с ума посходили?! – завопила ожившая девица. (Не знаю, как при жизни, но после смерти характер у нее оказался скандальный.) – Это что, шутка такая дурацкая?!

Теперь здесь принято выставлять посетителей идиотами?! Я мертвая?! – Она ухватила за руку довольно ехидно улыбающегося врача. – Потрогайте, ну что, я труп?!!

Арчи, внимательно наблюдавший за всеми присутствующими, хихикнул и с восхищением посмотрел на главного режиссера разворачивающегося скандала. Кристоф искоса взглянул на него, едва заметно подмигнул и снова устремил свое внимание на «сцену». Девушка продолжала буянить. Она требовала, чтобы врач пощупал ее пульс, тот слабо отбивался.

– Успокойтесь, мадмуазель, – уговаривал «пострадавшую» непробиваемый офицер. – Случилось недоразумение, молодому человеку показалось.

– А я что – псих?! – завелся мальчишка. – Я видел, как она лежала со сломанной шеей. Вот там! Вот так! – Он попытался изобразить, как именно лежала убитая, но его схватили за шкурку и поставили на ноги.

– Я тебе сейчас сама шею сломаю, наркоман несчастный! – взъярилась мертвая красотка, наступая на него.

Офицер побагровел, медик, равнодушно отвернувшись, искал что-то в своем портфеле, толпа росла, охрана тщетно пыталась вытеснить любопытных, среди которых белело перекошенное лицо замдиректора, уже почувствовавшего, что весь скандал ему придется вывозить на своих плечах. И в этот самый миг Кристоф, едва заметно улыбаясь, разжал ладонь. Пульсирующее «пламя» вспыхнуло последний раз и рассеялось.

Посреди фразы «Не позволю над собой так...» девушка вдруг побледнела, схватилась за сердце, мучительно повела по сторонам мутнеющим взглядом и рухнула на пол.

Толпа замерла. В полной тишине послышался резкий женский всхлип, и на меня понеслась волна многократно усиленных человеческих эмоций. Врач вмиг перестал ухмыляться и бросился к девушке. Расталкивая толпу, к ней же поспешил его помощник. Они засуетились, быстро проверили пульс, начали проводить непрямой массаж сердца и делать искусственное дыхание, но неподвижное тело не реагировало.

– Бесполезно, – сказал Кристоф, вытирая ладонь белоснежным платком. – Она мертва.

– Она мертва, – эхом отозвался запыхавшийся врач. – Остановка сердца. Он с досадой посмотрел на парнишку, затеявшего весь этот переполох. – Похоже, ты ясновидящий. Она действительно умерла.

– Они решат, что у нее было слабое сердце, – сказал Кристоф. – Идемте, нам здесь больше нечего делать.

Мы с Арчи послушно направились вслед за ним к выходу. Нас никто не остановил. Полиция была довольна тем, что все закончилось банальным несчастным случаем, дирекция счастлива, что клуб не закроют, толпа переваривала новые впечатления. Конечно, первое время никто не сунется в «Лабиринт», но постепенно трагическое происшествие забудется, и все станет как прежде.

– Спасибо, Кристоф, – неожиданно серьезно и спокойно сказал Арчи. – Ты спас меня. Просто спас. Я твой должник. Если я смогу чем-то помочь тебе...

Кадаверциан насмешливо взглянул на него, и молодой даханавар растерянно замолчал.

– Вряд ли мне когда-нибудь понадобится твоя помощь, мальчик. Это было примитивное колдовство. Оно ничего мне не стоило. Иди и в следующий раз будь аккуратнее.

Арчи кивнул, украдкой пожал мою руку и быстро, почти бегом, скрылся в одном из темных переулков.

– Хорошая ночь сегодня, – сказал Кристоф, глядя на небо, чуть прикрытое легкими

облаками.

– Значит, примитивное колдовство?!

Я посмотрел на его запястье. Рана еще не успела затянуться, и края ее слегка кровоточили.

– Самое примитивное, Дар. – Мой друг равнодушно проводил взглядом полицейские машины, неторопливо отъезжающие от клуба.

– Но ты... ты что, вернул ее душу обратно в тело?!

Кадаверциан весело и удивленно посмотрел на меня:

– Что ты! Нет, конечно! Я же не Господь Бог, чтобы вдохнуть душу в мертвое тело. Это была просто ходячая и говорящая кукла. Я запустил ее механизм на несколько минут, а потом снова остановил его.

– А ты мог бы сделать так, чтобы она жила дольше?

– Да. Я умею делать зомби. Они будут жить, сколько понадобится, но это грязная работа. Примитивная. Я не получаю от нее удовольствия.

Я решил, что не испытываю желания спросить, от какой работы кадаверциан получает удовольствие.

Давать советы всегда глупо, но давать полезные советы по меньшей мере вредно.

Оскар Уайльд. Портрет мистера У. Х.

14 сентября 2004. Дарэл Даханавар

Констанс уже все знала. Мгновенная мысленная связь учителя с «птенцом» действовала безотказно. Разъяренная фурия с ярко-рыжими волосами набросилась на бедного Арчи:

– Кретин! Безмозглый тупица! Бездарный осел!

Я сел в кресло и вытянул ноги, ожидая продолжения. Низкий, чуть хрипловатый голос ирландки с едва заметным акцентом было приятно слушать, а сама она – в черном кожаном костюме с короткой узкой юбкой и гривой огненных волос – смотрелась весьма экзотично. При этом она удивительно вписывалась в интерьер особняка Фелиции. Белые колонны, статуи, мраморные стены и полы, краснофигурные^[4] вазы, и посреди этого античного великолепия мечется ярко-рыжая темпераментная дир-дале^[5].

– Чему я тебя учила?! Ты что, не можешь запомнить элементарные правила, идиот?!

– Но, Констанс, – всхлипнул юный неудачник, навтыяжку стоящий перед ней. – Это получилось случайно. Я не хотел!

– Посмотрите на него! Он не хотел! Из-за таких неуклюжих тупиц, как ты, мы скоро будем питаться крысами! Да ты и крысу поймать не сумеешь^[6]!

Представив Арчи в роли крысолова, я невольно улыбнулся, и Констанс немедленно набросилась на меня:

– А ты куда смотрел?!

– Спокойно! Я бы попросил сбавить обороты! Меня эта история с «Хамелеоном» вообще не касается!

– Она касается тебя, она касается меня, убийство смертного касается всех. Сегодня мы собираемся предъявить обвинение асиманам в неоправданно жестоком обращении с людьми, а мой собственный «птенец» в то же самое время убивает человека!

– Успокойся. – Я потянул страдающего Арчи за рукав, усаживая на стул. – Инцидент исчерпан. Кристоф великолепно...

– Ты что, не понимаешь?! – Констанс нависла надо мной, заслоняя свет своим великолепным телом. – Сколько раз можно повторять?! Нельзя вмешивать посторонних в личные дела Клана!

Я стремительно вскочил, заставив ее отшатнуться.

– Определись, дорогая! Что для тебя важнее – репутация или невмешательство «посторонних»?

Она немного успокоилась – поняла бессмысленность своих нападок на меня. Кивком велела Арчи удалиться, и тот мгновенно смылся. До нас долетел лишь громкий топот

по ступеням.

– Я не верю кадаверциану, – произнесла Констанс. – Знаю, он лоялен к нам, но...

Я не могу доверять Мастеру Смерти.

– Ты просто не понимаешь его магии.

– А ты понимаешь?

– Нет, но я его чувствую.

– Кстати, по поводу твоей чувствительности...

Она не договорила. Послышались легкие шаги, и в атриум вошла Фелиция. Прекрасная гречанка.

Наверное, именно потому, что Первой Старейшиной нашего клана всегда была она – женщин-даханавар иногда величали Мормоликай. Именно так в Древней Элладке называли девушек, своей нечеловеческой красотой по ночам заманивающих юношей и пьющих их молодую кровь.

Фелиция Александрийская была невысока (классические метр шестьдесят пять – рост Венеры Милосской). Сложена по античным канонам. С широко расставленными светлыми глазами, пепельными волосами и прямой переносицей. Думаю, скульптор – знаток эллинского искусства – задрожал бы от восторга, увидев ее в жемчужно-сером хитоне, и немедленно попросил разоблачиться, чтобы запечатлеть в мраморе совершенное тело.

Однажды я подумал об этом слишком громко. Первая Леди, одарив меня своей сдержанной улыбкой, как бы невзначай взглянула на статую Афродиты работы Праксителя, и я заметил в двух богинях – живой и мраморной – явное сходство...

– Дарэл, – произнесла Фелиция, глядя на меня снизу вверх, и я очнулся от воспоминания. – Сегодня ты сопровождаешь меня на Совет к Ревенанту.

– Могу я взять свою машину?

– Поступай, как считаешь нужным, – любезно отозвалась Гранд Леди.

Мотора под капотом моего «пontiака» почти не было слышно, и ничто не мешало звучащей из динамиков песне плавными изгибами ленивой реки течь по полутемному салону.

For we were dancing
In the midnight sun
our love became too wild.
I loved you like a child...[\[7\]](#)

Завораживающая. Красивая песня. При всем презрении большинства моих братьев к роду человеческому ни один из них не способен создать подобной, до боли осязаемой музыки. Я тихонько напел давно ставшую знакомой мелодию. Пожалуй, танцы под солнцем – не важно каким, обычным или полуночным, – это мечта, которая теперь никогда не осуществится. С тех пор как меня увидела Флора, солнце перестало считать своим ребенком...

Ну вот. Не прошло и минуты, как романтическое настроение сменилось глухой тоской. Неужели Констанс была права и я старею?

Выключив магнитола, я сильнее вжал педаль газа.

Скорость для подобной дороги была приличной, но я не опасался вылететь с трассы. В такое время шоссе уже пустынно, а потенциальных самоубийц, любящих прокатиться с ветерком, не так много на этом свете. Несколько минут я жил только ветром и скоростью. Ясная ночь пела вокруг мелодию осени, обволакивая машину, и подталкивала меня к безрассудству. Быстрее. Еще быстрее...

Когда появился нужный указатель, говорящий о съезде с Рублевского шоссе на дорогу к частным коттеджам, я сбросил газ и стал примерным водителем.

По дороге к особняку Ревенанта я обогнал всего лишь одну машину – длинный черный «роллс-ройс». Ощутил за тонированными стеклами своих братьев и, оказавшись впереди, позволил себе несколько больше допустимого приличиями. Прочитал мысли пассажиров. Котировки валют, падение цен на нефть, продажа территории под застройку нового жилищного комплекса. Вне всякого сомнения – размышления уважаемого Вьесчи.

Еще десять минут – и «понтиак» остановился у высоких кованых ворот. Охраны здесь было много. Конечно же, все люди. Двое плечистых ребят в штатском подошли к машине. Я опустил стекло и вежливо улыбнулся:

– Добрый вечер, господа. Я на совещание.

– Ваше имя?

– Дарэл Эриксон.

Один из них сверился с бумагами, которые держал в руках, нашел мое имя в списке приглашенных и кивнул:

– Документы, пожалуйста.

Я протянул водительские права. Секьюрити внимательно изучил фотографию, сверился с вежливо улыбающимся оригиналом.

– Все в порядке. Вы знаете дорогу?

– Да.

– Доброй ночи, господин Эриксон.

Я кивнул, подарил им еще одну улыбку и направил «понтиак» через парк к особняку. Парень был очень любезен. Из этого можно сделать лишь один вывод: тхорнисхи еще не прибыли. Обычно после общения с Миклошем люди перестают быть вежливыми.

Аллея, по которой я вел машину, была ярко освещена, фонари в стиле конца девятнадцатого века походили на огромных светлячков. И сам того не желая, я вспомнил, как восьмилетним ребенком заблудился в лесу. Темно. Страшно и холодно. Нет сил, чтобы плакать. И вдруг сотни светящихся звездочек замерцали среди елей. Яркие зеленые огоньки хаотично плыли в ночи, превращая ее из угрюмой старухи в веселую девушку. Они заставили забыть о страхе и времени и дожидаться того прекрасного мига, когда первые лучи солнца засияли сквозь деревья. И помогли мне найти дорогу.

Спустя годы я вновь вернулся в лес своего детства. И была ночь, которая давно уже стала привычной и родной. И были яркие образы светляков. Но теперь мне каждый раз приходилось уходить гораздо раньше, чем небо на востоке вспыхнет рассветом...

Особняк Ревенанта был построен в стиле ампир. Я подогнал машину к левому крылу замка и припарковался возле черного «ягуара» Фелиции. Тут же стоял «Форд Мустанг». Чья это машина – я не знал.

У «ягуара», небрежно облокотившись о машину, стояла Констанс, которая одарила меня недовольным взглядом. Я не стал читать ее мысли. От раздраженного сумбура ирландки

могла заболеть голова. Дир-дале проигнорировала мое приветствие. Все как всегда.

– Где Фелиция?

– Ждет тебя в особняке.

Гранд Леди ожидала нас в вестибюле, у гигантского аквариума. За стеклом в непрерывно струящемся потоке воды медленно плавали два огромных осетра. Они едва шевелили плавниками, изредка касаясь друг друга острыми носами. Костяные пластины, покрывающие вытянутые тела, казались гладкими, словно лед, а кожа жесткой и грубой, как наждачная бумага. Желтые глаза с черными продольными зрачками, совершенно не похожие на рыбы, с пристальным вниманием смотрели по сторонам. Я бы сам с удовольствием постоял пару минут у прозрачной стены и понаблюдал за ними.

Фелиция услышала наши с Констанс шаги. Обернулась с улыбкой:

– Доброй ночи, Дарэл.

– Доброй ночи, Леди...

В зале Совета ничего не изменилось. Круглый полированный стол, кресла с высокими спинками, скорее красивые, чем удобные, алые с золотом драпировки, ковры и гобелены с изображениями древних животных, картины на античные сюжеты в тяжелых рамах. Меня всегда угнетала подобная роскошь. Слишком много золота, алой парчи и единорогов, от которых начинало рябить в глазах. Это несколько притупляло мою сверхчувствительность.

Мы появились раньше, чем было назначено, – высокий трон Ревенанта пустовал. Фелиции хотелось осмотреться и дать мне время сосредоточиться. Но, как я и предполагал, не одни даханавар оказались такими умными.

Прежде всего я увидел Амира из клана Асиман с двумя телохранителями. Верховный Магистр сидел в кресле с таким видом, словно все окружающее принадлежит ему лично, а любой из присутствующих раздражает и утомляет. На его сухощавое лицо с желтоватой кожей падали отсветы огненно-красной мантии. И оттого казалось, что запавшие щеки горят лихорадочным румянцем. Тонкие крепко сжатые губы аскета. Длинный нос, готовый гневно трепетать ноздрями по любому поводу. В миндалевидных глазах под полуопущенными веками горит вечная жажда власти, почитания, денег и преклонения. Она иссушает его сильнее, чем огненная магия его клана. На указательном пальце правой руки главного чернокнижника Асиман – перстень с рубином. Камень посверкивал и притягивал взгляд. Телохранители равнодушно глазели по сторонам.

Амир довольно любезно ответил на приветствие Констанс, а меня проигнорировал. Ну и ладно, мое самолюбие не пострадает от его наглой заносчивости.

Фэри тоже были здесь. Александр, увидев союзников – Даханавар, стремительно подошел к нам. Главе клана Фэриартос было тридцать восемь человеческих лет. Красивый, высокий мужчина с породистым лицом аристократа. Каштановые волнистые волосы до плеч, яркие темно-фиолетовые глаза. Стиль одежды небрежно-элегантно-артистический. Шейный платок вместо галстука, бархатный пиджак, рубашка с кружевными манжетами. На мизинце – платиновая печать с прозрачным александритом. Держится свободно и уверенно, но в то же время чувствуется в нем... осторожность. Как у кошки, оказавшейся в незнакомом месте и с опаской поглядывающей по сторонам.

– Фелиция, рад тебя видеть. Дарэл, доброй ночи.

Наша Первая Леди ответила изысканно-любезной фразой, выразив в ней свое расположение ко всему клану Фэриартос и Александру лично. Я не отличался подобными дипломатическими талантами, поэтому просто кивнул.

Александр галантно повел улыбающуюся сестру-мормоликаю к столу и по дороге бросил на меня подозрительный взгляд. Я почувствовал в нем легкое раздражение. Не любил благородный, воспитанный почитатель искусства, чтобы читали его мысли. Тем более чтобы читал их я – «этот молокосос Даханавар». Он имеет право считать себя оскорбленным тем, что Фелиция привела «телепата». Мое присутствие можно считать явным вызовом обществу и неуважением к Ревенанту.

Но меня это не касается.

И вдруг я почувствовал чье-то настойчивое мысленное прикосновение. Посмотрел направо и вздрогнул. В самой темной части зала, прислонившись плечом к стене, затянутой бордовой тканью, стоял тхорнисх. Йохан – правая рука главы клана. Высоченный, широкоплечий. У него были глубоко посаженные темные глазки, густые лохматые брови, смоляная борода и абсолютно лысая голова. Как всегда, черный кожаный плащ, грязные сапоги и дурные манеры.

Чем дольше я смотрел на него, тем отчетливее виделось мне его настоящее лицо, проступающее сквозь вполне человеческое обличье. Уродливое, хищное... отвратительно хищное, как у древней рептилии, готовой сожрать все, что попадется ей на пути.

Очень осторожно, испытывая какое-то болезненное любопытство, я потянулся нему и тут же с отвращением отпрянул. Мне показалось, что я вляпался в грязную, вязкую, маслянистую жижу, в которой что-то медленно, лениво копошится. Я представил, как на протяжении всего вечера придется погружаться в эту мерзость с головой, чтобы поймать хотя бы одно связное размышление, и мне стало нехорошо. Тхорнисх почувствовал, какое омерзение он вызывает у представителя славного рода Даханавар. Нагло усмехнулся мне прямо в лицо, демонстрируя великолепно отточенные клыки, и сказал:

– Приветствую тебя, брат. – Его голос был хриплым. С нечеловеческой издевкой, но человеческими интонациями.

Я постарался отойти как можно скорее.

Мы не сможем договориться с ними. Они не будут ни о чем договариваться. Им все равно кого сожрать – нас, фэри, смертных или друг друга. И если тхорнисхи до сих пор не выбрались из своих нор, то лишь потому, что охотиться на улицах города опасно...

А вот и представители клана Грейганн. Я надеялся, что их не будет. Весь вечер читать нелогичные мысли, улавливать нестабильные эмоции и чувствовать звериным чутьем не легче, чем погружаться в эманации тхорнисхов.

Длинные плащи грейганнов были подбиты серым мехом. Напоминание о втором названии клана – Вриколакос – «носящие волчью шкуру». Они умеют превращаться в волков. Предпочитают жизнь вдали от городов, в единстве с природой. И это «единство» не пустые слова из современных газет. Грейганн действительно чувствовали лес и могли скрываться там годами в отличие от городских киндрэт, привыкших жить только в мегаполисах.

Иован Светлов – Старейшина вриколакосов – прошел мимо, задев краем плаща, и на меня накатило: зеленый полумрак, мягкие мокрые иглы под ногами... лапами, шелест, шорох, шуршание, тонкий звон комаров, запах мокрой шерсти и прелых листьев... Грейганн скользнул по мне желтыми глазами, ощутив, что его сканируют, и усмехнулся.

Сейчас он не уважал меня. Едва ли не презирал. За то, что живу в городе и, нападая на людей, стараюсь быть осторожным. Не позволяю охотничьему инстинкту победить разум. За то, что «служу» и «подчиняюсь» женщинам. Он так и подумал: «служишь и подчиняешься».

Он был высоким, широкоплечим, казался несколько грузным. Но это обманчивое впечатление. Я знал о его невероятной силе и ловкости. Матерый волк. Грива серых, жестких, тронутых сединой волос. Суровое, холодное, мрачноватое лицо, в усах и бороде тоже заметна седина. Желтые глаза поблескивают дикими, веселыми огоньками. Традиционная одежда клана – замшевые сапоги, льняная рубаша, штаны из мягкой кожи и широкий пояс, на котором висит длинный нож в ножнах.

Не преминули прийти пораньше и Вьесчи. Негоцианты, бизнесмены, или торговцы, мира киндрэт. Трое. Глава клана – Рамон де Кобреро, одетый в великолепный костюм от Армани. Внешне он казался лишенным всех чувств, кроме высокомерия. Оно было написано на его холеном смуглом лице испанца и отмеряло каждое движение. Рамон приветственно кивнул всем присутствующим и, дождавшись, когда один из его людей отодвинет для него стул, сел. Он давным-давно научился умирять свой южный темперамент и срывался очень редко.

Умный, жесткий, безапелляционный, решительный.

Этот клан меньше других уделял внимание магическому воспитанию своих «птенцов», больше обучая их игре на бирже. Но в Рамоне чувствовался непонятный мне энергетический заряд – пелена, остро и свежо пахнувшая озоном, в которой назревали грозные разряды.

Его спутники казались копиями своего главы, и внутри были похожи на пустые сейфы, запечатые одним и тем же ключом.

Я слышал, что раньше, в древности, клан был очень силен. Но и теперь, несмотря на магическую слабость, никто не ссорился с торговцами. Хотя бы потому, что большая часть денежных средств всех кланов лежала на счетах в их банках. От благополучия Вьесчи во многом зависело благосостояние остальных.

Ну вот и все. Кадаверциан не будет. Они уже давно не приходят на общие собрания братьев.

Боковая дверь распахнулась. Появился Ревенант. Высокий статный мужчина лет тридцати. Больше всего он походил на преуспевающего бизнесмена – отлично сшитый темно-серый костюм, золотой колпачок вечного пера, выглядывающий из нагрудного кармана, «Ролекс» под белоснежной манжетой рубашки. Бизнесмен или политик, а может быть, и то и другое. Он занимал немаленький пост в министерстве и проворачивал крупные сделки на бирже. Ему принадлежало несколько банков, две судостроительные верфи, великолепный особняк в лучшем районе города, а также жена и двое детей.

Он не был человеком, но не был и вампиром. Древнее проклятие королевского рода Корвинусов. Каждый второй ребенок в этой семье рождался ревенантом – нечеловеческим существом, обладающим способностями вампира. Ревенанты были очень могущественны. Обладали странной силой, действующей и на людей и на киндрэт. Но умирали, как обычные смертные. И сами не знали, благо это или проклятие.

Давным-давно, еще в Темные Времена, кланы, устав от междоусобных войн, признали ревенантов из рода Корвинусов своими верховными судьями. Теми, к кому можно обратиться для решения спорного вопроса. И чье решение становилось последним, более не обсуждаемым. Я сел рядом с Фелицией, напротив мрачного Грейганна. Приготовился.

– Приветствую, господа! – произнес губернатор Белов, наш Судья, тоном, больше подходящим для ведения долгого заседания, чем для Совета киндрэт. – Рад видеть вас всех в добром здравии.

В ответ на это приветствие ко мне приплыла едва оформленная мысль Амира о том,

что «доброе здравие» – понятие весьма далекое от того, что он хотел бы пожелать большинству из присутствующих. Долгая мучительная смерть звучала в его представлении более благозвучно. Особенно это касалось «щенка-Даханавара», то есть меня. Я привык к подобным эмоциональным выпадам в свой адрес. Первое время высокородные братья и сестры, раздраженные присутствием «телепата», обливают меня потоками почти материальной неприязни.

– Я не вижу почтенного Миклоша Тхорнисха. – Ревенант оглядел присутствующих. Встретился взглядом со мной. И я на мгновение почувствовал его спокойствие, уверенность, уравновешенность. А еще чувство долга, каменным монолитом лежащее в его душе. Ревенанты рождались с ним. И именно ему были подчинены все их действия.

Йохан лениво шевельнулся в своем кресле.

– У нахтотера Миклоша другие планы на сегодняшний вечер. Он выражает сожаление, что не может посетить почтенное общество.

А меня зацепила черная, жирно лоснящаяся и одновременно колючая мысль:

«Больше ему заняться нечем, кроме как сидеть среди тупых блаутзаугеров, которые недостойны ступать в пыль его следов». – Тхорнисх не скрывал своего отношения к нам всем и даже не пытался подавить эмоции. Ему было все равно.

– Давайте приступим сразу к делу, – заявил Амир недовольно. – Никому не интересно, почему многоуважаемый Миклош Бальза не почтил своим вниманием наше скромное заседание.

И подумал довольно громко: «Гнилая колода!»

Ревенант опустил в свое кресло. Посмотрел на Фелицию:

– Кто-нибудь желает сделать заявление?

Моя Гранд Леди величаво повела головой:

– Клан Даханавар желает выдвинуть обвинение клану Асиман в необоснованной агрессии, направленной на человеческую часть населения.

Грейганн громко фыркнул. Александр слегка нахмурился, справедливо предполагая, что ему придется ввязываться в очередную склоку между родственниками, принимать какое-то решение. И теперь он лихорадочно соображал, какотреагирует большинство. Тхорнисх развлекался тем, что мысленно раздевал Констанс извращенным и довольно... кровавым способом. Рамону было в принципе плевать на людей, но он не возражал против того, чтобы асиманам прищемили хвост.

– Что вы имеете в виду, дорогая Леди? – осторожно поинтересовался Амир, закрываясь тяжелым мощным щитом от моих настойчивых всепроникающих сенсоров.

Но это было бесполезно, я продолжал чувствовать его раздражение и злость...

– Я имею в виду, дорогой лорд, участившиеся случаи нападения на людей. Со смертельным исходом.

– Из-ви-ни-те, – процедил Амир, оскорблено раздувая ноздри, и погрозил пальцем всем присутствующим. – Бездоказательно. С чего вы взяли, что это наша работа?.. Но даже если бы и так. Мы не подписывали вашей Клятвы о гуманном обращении со смертными.

– Вы живете на нашей земле, – произнес глава Вьесчи, глядя в полированную поверхность стола, и его черные испанские брови сошлись у переносицы.

«Режьте смертных, сколько хотите, но зачем оставлять после себя трупы?!» – услышал я.

– Восемнадцатый век, – продолжила Фелиция, пристально глядя на раздраженного оппонента. – Как вы помните, именно тогда была Первая Вампирическая Эпидемия^[8]. Так ее

назвали люди. А киндрэт она принесла массовое истребление. Вы помните, какую «охоту на вампиров» устроили смертные? И все потому, что многоуважаемые Тхорнисх, – взгляд, полный презрения, в сторону «заместителя» Миклоша, – считали слишком унижительным для себя убирать мертвые тела.

Тот лишь сладко прищурился в ответ, и ко мне приплыла яркая картина. Улочка старинного города. Дома, почти соприкасающиеся крышами. Грязь, вонь, в которой смешиваются «ароматы» гниющих отбросов, густой смрад разлагающейся плоти... И человеческие тела с разорванными шеями, вывернутыми конечностями, наваленные в груды у стены.

Так представляют себе рай тхорнисхи. Одна часть людей валяется на улице мертвой. Другая – сидит в резервации.

Внезапно я испытал чувство признательности и уважения к Фелиции, которая сдерживает это безумие. Сейчас лишь клан Даханавар в состоянии останавливать наших братьев-выродков от начала новой резни.

– Эта «вампирическая эпидемия» закончилась ничем. Охота на киндрэт превратилась в глупейший фарс! – Амир огляделся по сторонам в поисках поддержки.

Естественно, все присутствующие главы помнили те времена. Рамон Вьесчи кивнул едва заметно, и я разобрал: «Но сколько сил и денег было потрачено на то, чтобы успокоить смертных».

В голове Александра, пристально глядящего на Фелицию, мелькали полумысли-полуобразы о том, как человеческое население начало осознавать, что рядом с ним живут опасные чужие существа, убивающие по ночам. В представлении народа живые мертвецы восставали из могил, чтобы пить их кровь. Легенды тысячелетней давности оживали. Люди были в панике. В человеческой культуре мифы о вампирах занимали не последнее место.

– Мы не хотим, чтобы этот фарс повторился, – уверенно заявила Фелиция. – Мы против того, чтобы смертные знали, кто управляет ими. Иначе они начинают сомневаться и бунтовать. Им спокойнее подчиняться власти, выбранной «самостоятельно», чем той, что навязывается извне. Тем более существами, которых они боятся и ненавидят. Это заложено в человеческой природе.

– Под «управлением» мы понимаем разные вещи, дорогая Леди. – Амир крепко сцепил пальцы, хрустнул суставами.

– Да. Мы знаем, что ваша позиция в этом вопросе близка к той, что проповедует клан Тхорнисх.

– Мы не собираемся управлять людьми, – заявил вдруг представитель того самого клана, который упомянула наша Первая Старейшина. Ухмыльнулся довольно. – Мы их едим.

– Господа, – подал голос Ревенант, со спокойным вниманием следящий за разговором, – попрошу ближе к теме сегодняшнего собрания.

Фелиция утвердительно наклонила голову и взглянула на спутницу. Констанс мотнула рыжей копной волос и достала из папки несколько листов бумаги.

– Я зачиту несколько выдержек из прессы за последний месяц. Все они имеют прямое отношение к теме сегодняшнего собрания. Вот, вчерашний выпуск «Столичного комсомольца». «Жестокое убийство в “Восьми попугаях” произошло в ночь с четверга на пятницу. Девушку с разорванной шеей нашли в туалете клуба...» – Констанс выразительно посмотрела на Амира и продолжила: – «“Криминальный вестник” предупреждает: уже десятая жертва с колотыми ранами в области шеи доставлена сегодня в городской морг.

По-видимому, это действия одного и того же маньяка». А это уже вообще ни в какие ворота не лезет. Уважаемое собрание, прошу обратить особое внимание: «Газета “Оракул” взволнована! На Лазаревском кладбище обнаружены полностью обескровленные тела трех мужчин, без видимых признаков насилия. Может ли это быть результатом сверхъестественных ритуалов сатанинской секты?.. Полиция разводит руками».

Амир снисходительно улыбнулся:

– Деточка. Все это обычные людские небылицы. Раньше они рассказывали о нападениях киндрэт устно, после чего отправлялись разрывать могилы своих усопших родственников, дабы удостовериться, что их тела разлагаются с должной скоростью. Теперь пишут об этом в газетах и снимают глупейшие фильмы. Тот валашский князь Влад^[9] перевернулся бы в гробу, узнав, какое пугало из него сделали.

– Это не сказки! – воскликнула Констанс с горячностью, недопустимой для высокородной даханаварской леди. – Вы же знаете, что это правда! И все знают.

«Человеческая шлюха!» – глумливо подумал Амир, продолжая снисходительно улыбаться.

И я порадовался, что Констанс не слышит этого. На протяжении многих сотен лет Леди из моего клана успешно влияли на человеческую политику. Они манипулировали дипломатами, становясь их любовницами, а иногда даже женами. Прекрасные серые кардиналы. Наша рыжеволосая ирландка, к примеру, жила с министром связи.

– Если мы не хотим получить еще одного Августина Кальме с его мерзкой книжонкой^[10], нам всем, уважаемые, следует проявлять осторожность! – сказал Александр.

Рамон позволил себе сдержанно усмехнуться, вспоминая о вкладе, сделанном им, чтобы успокоить впечатлительных смертных. Бурные дебаты по поводу реальности существования киндрэт благополучно закончились спустя лет десять. И ученых стало интересовать лишь одно: что заставляет людей верить в такое нереальное существо, как вампир? Великолепное завершение многолетней работы. Никто не мог объяснить, кто мы такие и откуда взялись в человеческом мире. Очень славно.

– Мы не должны повторять прошлые ошибки, – произнесла Фелиция. – Нельзя давать людям еще один шанс обнаружить наше существование среди них.

– Я поясню, – с улыбкой заметил Рамон. – Многоуважаемый Амир, представьте себе девственный лес. Непуганая дичь позволяет приблизиться, не убегает, не шарахается в стороны. Но если в этом лесу расстреливать зверей направо и налево, развешивать их трупы на деревьях и устраивать травлю с собаками, ни один зверь не подпустит вас к себе.

Он вдруг стукнул кулаком по столу, на мгновение превращаясь из уравновешенного, чуть ироничного бизнесмена в кровожадного, мстительного кровного брата.

– Мы не знаем, кто оставляет трупы в городе, но я присоединяюсь к клану Даханавар с требованием прекратить гадить в собственном особняке! Политика Вьесчи тесно связана со смертными. Я работаю с людьми! Они должны доверять мне и моим братьям.

Он говорил еще что-то, но я вдруг увидел, услышал... почувствовал. Амир вспомнил. Несколько мертвых человеческих тел на станции метро. Укусы – «колотые раны» – на шее. Большая потеря крови. Двое выжили. Отправлены в реанимацию пятидесятой городской больницы.

Наверное, я произнес это вслух, потому что все присутствующие смотрели на меня. Фелиция – довольно: я оправдал ее надежды. Александр с раздражением. Грейганн – с легким пренебрежением. Рамон с поощрительной улыбкой. Тхорнисх с преувеличенным

вниманием, как на шута.

– Вот вам и доказательства, – произнес Вьесчи.

– Бред сканэра – это не доказательства. – Амир едва сдерживал ярость.

– Вы же знаете, что он не лжет! – воскликнула Констанс, перебивая. – Когда он работает, не может лгать.

Он говорит только то, что слышит и чувствует. Отключается от своих эмоций и желаний!

Движением руки Фелиция заставила ее замолчать:

– С согласия всех присутствующих я требую прекращения террористической деятельности клана Асиман по отношению к человеческому населению.

– Полностью поддерживаю, – заявил Рамон.

– Присоединяюсь, – тут же сказал Александр.

– Решение уважаемого тхорнисха? – спросил Ревенант.

– Вам известно мнение по этому поводу нахтотера Миклоша, – ответил тот, рассматривая свои ногти. – Люди нужны нам для еды. И мы обращаемся с ними как с едой. Свежее употребляем в пищу, протухшее выбрасываем. Нас не волнуют проблемы помоев. И мы не договариваемся с кормом.

– Вриколакос Иован, ваше мнение?

Грейганн сверкнул желтыми огнями в глазах и усмешкой:

– Я не согласен.

– С кем? – терпеливо поинтересовался Ревенант.

– С позицией клана Даханавар.

– Но в прошлый раз вы одобрили... – начала Фелиция, не сумев сдержать удивление.

Грейганн ухмыльнулся:

– Мне не нравится эта рыжая девица.

Констанс от удивления захлопала глазами и рассыпала свои бумаги.

– Простите, я не совсем понимаю... – Судья тоже потерял часть своей невозмутимости. – Какое отношение это имеет к вопросу, который мы решаем?

– Самое прямое. Она мне не нравится. И я не согласен.

Рамон хлопнул ладонью по столу:

– Хватит изгаляться, Светлов! Тебе же все равно, как выглядит эта девушка!

– Не люблю рыжих.

– Господин Иован, – Фелиция прикрыла на мгновение глаза, собирая все свое внутреннее спокойствие, – сегодня мы решаем вопрос о прекращении асиманами убийств смертных, которые ставят под угрозу наше тайное существование среди них. И я не понимаю, какое касательство имеет к этому моя помощница.

Конечно, она не понимала. Моя Гранд Леди была слишком логична и последовательна. Она не могла оценить звериного чувства юмора грейганна. Ему всего лишь захотелось пошутить. Позабавиться немного. И потом он действительно не любил рыжих. Они его раздражали.

Ревенант в отличие от остальных киндрэт понял или ощутил это вместе со мной. Все-таки он был человеком, а люди – некоторые из людей, я уже знал – иногда проявляют удивительную чувствительность.

– Амир Асиман, я поддерживаю клан Даханавар в его требовании ограничить ваши агрессивные действия по отношению к человеческому населению. Мы не можем заставить вас следовать Клятве, но требуем не забывать о законе сохранения нейтралитета.

Это означало: можете по-прежнему убивать людей, но не оставляйте после себя тела с «колотыми ранами в области шеи». А если не подчинитесь, будут приняты жесткие меры. Клань Даханавар, Вьесчи, Грейганн и Фэриартос найдут способ укротить зарвавшихся человеческих убийц.

— Позволю себе вмешаться. — Рамон вынул свой «паркер» и машинально откручивал и закручивал колпачок. — Что делать с теми двумя в больнице? Хорошо бы асиман довели начатое дело до конца. Лишние свидетели ни к чему.

Амир промолчал, но думал он очень громко. В основном нецензурными выражениями, большинство которых было адресовано мне, а часть имели отношение к Фелиции. И еще почему-то он вспомнил о Флоре. Моей погибшей матери. Подумал мельком, в его памяти всего лишь мелькнуло ее лицо, но меня неприятно зацепило это воспоминание.

Ревенант поднялся, что означало завершение Совета.

Асиман выходили первыми. И я успел поймать взгляд Амира, полный ядовитой ненависти.

Глава 3

Смена инсценировок...

*Весь мир – театр.
Но пьеса поставлена плохо.*

Оскар Уайльд. Преступление лорда Артура Севила

15 сентября 2004. Дарэл Даханавар

– Подлая продажная тварь! – сказал Вэнс, и его звучный низкий голос сорвался до хрипа. – Стерва!

Я непроизвольно поморщился, прижал телефонную трубку к другому уху. Освободившейся рукой потер ноющий висок. Как всегда после психического напряжения, страшно болела голова. Хотелось пару суток не вставать с кровати и не ощущать ничьих эмоций.

Но, будто назло, я опять не отключил телефон.

Даже на расстоянии чувствовалось – Гемрана трясет от раздражения, отчаяния, злости и, как ни странно, любви. В его мыслях, то приближаясь, то отдаляясь, мелькал женский образ. И Вэнсу не удавалось сосредоточиться ни на чем другом. Ему было плохо, муторно, беспокойно. Он ждал от меня помощи, хотя сам не знал какой.

– Все возвращается, – бессвязно говорил он, откашлявшись и вернув голосу прежнюю звучность. – Я чувствую, что это безумие возвращается, но не могу ничего сделать. Она опять нашла меня, а я думал, что все давно забыто и похоронено. Оказывается, нет, не забыто. Ее невозможно забыть. – И тут же без перехода: – Извини, сам не знаю, зачем рассказываю тебе все это.

Конечно, он не знал. Никто из людей не понимал, почему начинает испытывать ко мне привязанность и доверие. Желание открыть душу. И почему им так хорошо рядом со мной.

– Дарэл, я иду сегодня на репетицию в один, так сказать, театр. Может, пересечемся после? Хоть поговорим нормально.

Почему-то я вспомнил, какая надежда на следующую встречу с Гемраном светилась в глазах человеческого подростка.

– Давай встретимся прямо там. Не возражаешь, если я возьму с собой Лориана? Ему будет интересно посмотреть.

– Лориана? А, давешний фэн. Бери. Но я не обещаю захватывающего зрелища. Театр так себе. Любительский уровень.

– Это не важно. Где и во сколько?

Он продиктовал адрес, и я положил трубку. Посмотрел на будильник. Спать оставалось еще полтора часа.

Телефонный разговор с Вэнсом немного помог забыть о причастности к тонким интригам кланов, я с удовольствием отключился от гнусных планов кровных родственников. Решать человеческие проблемы Гемрана гораздо приятнее, чем выслушивать мысли Амира.

Хотя с большим удовольствием я бы сейчас поговорил с Лорианом, посмотрел на мир

его глазами.

Выбравшись из постели, я побрел на кухню – восполнять недостаток сна едой. Открыл холодильник, некоторое время изучал его содержимое и решил, что коктейль из крови первой и второй группы будет в самый раз.

Телефон подал голос в тот момент, когда напиток был готов – подогрет до нужной температуры и перелит в стеклянный стакан. Я взял трубку, уже зная, кто это. На том конце провода сияло мягкое осеннее солнце.

– Да. Слушаю.

– Это Лориан. Я звонил тебе вчера, но никто не подходил.

Юный голос врывался в темноту моей спальни из другого мира, беззаботного и солнечного.

– Меня не было.

– Слушай, я тут подумал... ну, то есть...

Мальчишка позвонил именно сейчас потому, что я позвал его. Он, конечно, не знал этого. Но надеялся, что его осенит и он по ходу придумает тему для разговора. Однако вдохновение так и не пришло.

– Лориан, хочешь сегодня пойти с Вэнсом на репетицию? Он приглашал нас обоих только что. Ты вовремя, я как раз хотел искать тебя.

Неловкость мгновенно сменилась восторгом.

– Ух ты! Так он не шутил! Правда, меня пригласил? Здорово! На репетицию с Вэнсом! Конечно, хочу! Только... – он снова запнулся, посопел в трубку и спросил быстро, опасаясь, что я откажу сразу, – можно я возьму с собой друга? Ему тоже ужасно интересно посмотреть.

– Конечно. – Я улыбнулся про себя. – Я заеду за вами в половине девятого.

Он сказал, куда мне подъехать, и остался ждать назначенного часа, довольный, что снова увидит Вэнса.

Кровь в стакане остыла, но я выпил ее залпом и пошел одеваться.

Они вышли из подъезда ровно в половине девятого. Увидели меня, стоящего у машины. Поспешили подойти. Оба были одеты в теплые свитера, джинсы, ботинки на толстой подошве, гордо именуемые «Камелот». Оба излучали взволнованное нетерпение, а второй подросток – еще любопытство и легкое беспокойство.

– Привет, – сказал Лориан. – Это Макс. Мы с ним учимся вместе. А это Дарэл, он знаком с Вэнсом.

Похоже, знакомство с Гемраном – самое большое мое достижение за всю жизнь.

Я по очереди пожал руку каждому из мальчишек. Поздоровался как со взрослыми, чем вызвал вспышку удовольствия Макса. Открыл дверцу машины. Они забрались на заднее сиденье. И принялись болтать.

– Это «понтиак»? – Со знанием дела осведомился приятель Лориана, осматривая кожаный салон.

– «Понтиак». – Я поправил зеркало заднего вида так, чтобы видеть своих пассажиров, и повернул ключ в замке зажигания.

– А какого года?

– Прошлого.

– Клево. Хорошая машина. А у моего отца «мерс», правда, старый. Ему уже лет десять. Электроника все время летит. Сейчас хотим новый брать.

Лориан молчал и внимательно наблюдал за моей реакцией, чтобы определить момент, когда Макс надоест мне своей трепотней. Но беспокоился он напрасно. Люди никогда не утомляли.

Забавно, мальчишки одного возраста, но совершенно разные. Лориан излучал ровное теплое сияние. В его душе не было хаоса. Макс вспыхивал радостью: «Увижу Вэнса, поговорю, возьму автограф!», и тут же черная полоса гасила его восторг: «Вдруг он не захочет разговаривать со мной? Кто ОН и кто я?! Лориану всегда везет! Подписал ему подарочный диск. Надо было мне тоже с собой такой взять!» И снова яркое пятно удовольствия: «А здорово, что мы дружим. Если бы не он...» И опять траурная кайма на чувствах: «Но почему я никогда не знакомлюсь с людьми, общающимися со знаменитостями?!»

Лориан распространял вокруг ауру радости и прозрачного осеннего света. Это не значит, что он ничего не чувствовал. И волновался, и радовался, и смущался по-человечески. Но рядом с ним было спокойно. И я, задерганный вчерашними эманациями братьев, тоже успокаивался.

Макс поерзал на сиденье, вглядываясь в темноту, раскрашенную светом фонарей.

– А куда мы едем?

«Завезет еще куда-нибудь!» – мелькнула у него произвольная мысль.

– Район Речного вокзала.

Мальчишка сразу повеселел.

– Знаю! У меня брат туда на тренировки ездил, – стал он объяснять Лориану. – Это далековато отсюда. До Ленинградки ползти будем. Да и на проспекте сплошные пробки.

– Мы поедем через кольцо, – ответил я, пролетая по ворот, ведущий на Суцевский вал.

Макс открыл рот, чтобы возразить, но я сделал радио погромче и перестал обращать на него внимание. Плавнo, до упора, вдавил в пол педаль газа. Мальчишек бросило на спинку сиденья. И оба внутренне задрожали от восторга. Подростки любят быструю езду под громкую музыку.

С двух сторон дороги стоял темный лес – монолитная изломанная стена с неровным верхним краем. Ряды фонарей по обочинам светили размытыми желтым пятнами. Время от времени мы обгоняли тяжелые груженные фуры. Они тащили за собой облака водяной пыли, которая потоками грязи оседала на стеклах «пontiака». Гудели пронзительно, когда моя машина проносилась прямо у их морд.

– Здорово, – прошептал Лориан.

– А можно еще быстрее? – попросил Макс.

Иногда у подростков отключается инстинкт самосохранения.

Мы обогнали очередной тягач, и вдруг справа, из темноты дороги, вынырнул черный, лакированный, монстроподобный «Ламборджини Дьябло». Некоторое время он бесшумно несся рядом, а затем стал настойчиво оттеснять меня к обочине.

– Что он делает, придурок?! – Голос Макса прозвучал неожиданно тонко. – Совсем обалдел?!

– Дарэл, осторожно! – воскликнул Лориан и замолчал. Они оба замолчали, погрузившись в оцепенение.

Не оборачиваясь, я накинул на них легкий «морок». Никто из мальчишек не должен был видеть, с кем можно встретиться на темной кольцевой дороге.

Я остановил «пontiак», вышел. «Дьябло» затормозил рядом. Его дверь поднялась, из просторного кожаного нутра дорогого автомобиля выбрался Иован Светлов. Глава клана Вриколакосов.

– Проклятые машины, – пробормотал он, отдуваясь. – Гробы на колесах... Приветствую, Даханавар.

– Доброй ночи. – Я прикусил нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. Настолько забавно выглядел лесной житель – могучий, седовласый грейганн в дубленой коже и волчьем плаще – рядом с современным, великолепным средством передвижения.

– Извини, что помешал твоему ужину. – Он глянул на Лориана с Максом, полулежащих на заднем сиденье. – Славные щенки.

Я кивнул, принимая извинения и комплимент.

– У меня к тебе дело, – продолжил он, хмуро рассматривая меня из-под густых бровей. Помолчал, расправил широкий пояс, передвинул длинный нож в кожаных ножнах.

Я его не торопил, зная, что медлительному грейганну нужно время для формулировки своей неожиданной просьбы.

– Раз уж я застрял в вашем паршивом городе, можно сделать кое-какие дела. Мне нужен переводчик. На один вечер.

– Переводчик?

– Хочу, чтобы ты поразнюхал кое-что. – Вриколакос громко засопел и приблизился. От него тянуло звериной силой, неукротимой, опасной, яростной. – Сегодня у меня встреча с этим. Хочу знать, что у него на уме. А то вертится, как жук в навозной куче. Не поймешь ничего.

Мимо пронесся грузовик, воздушный поток взъерошил шерсть на плаще Иована, бросил мне в лицо горсть капель.

– Ты хочешь, чтобы я выступил в роли сканэра на стороне клана Грейганн во время переговоров с Вьесчи? – спросил я, мгновенно поймав его мысль.

– Точно. – Он огладил свою бороду и довольно улыбнулся.

Я не открыл рот, не уставился на него, вытаращив глаза, и не выразил как-либо иначе свое изумление. Но все же вид у меня был озадаченный – Иован ухмыльнулся:

– Ну что?

– Обычно я не вступаю в сделки с другими кланами.

– Работать за так не будешь.

Он, вытащил из-за пояса мешочек, развязал шнурок и высыпал содержимое на широкую ладонь. Это были необработанные алмазы.

– Здесь половина. Сделаешь дело, получишь еще столько.

– Я должен посоветоваться с главой клана.

– Давай, советуйся. – Грейганн принялся запихивать камни обратно в мешок, бормоча мысленно: «Советуйся-советуйся. Знаем, что вы все бродите за ее юбкой, как слепые кутята!»

Правая дверца «Дьябло» поднялась, из машины выглянул молодой парень, один из тех, кто сопровождал старейшину вриколакосов на Совет. Злобно сверкнул желтыми глазами в мою сторону. Я бы не удивился, если бы он зарычал, оскалив клыки.

– Отец, долго ты будешь стоять посреди дороги с этим...

– Скройся! – рявкнул на него Иован. – Сиди и жди.

Парень «поджал хвост» и убрался обратно.

– Словен, – пояснил старейшина добродушно. – Хороший нюх у него, но еще молод.

Я машинально кивнул, не вдаваясь в подробности родственных отношений клана. Сосредоточился и позвал.

Фелиция откликнулась сразу.

Перед глазами возникла картина. Мормолика сидит перед зеркалом, укладывая волосы в сложную прическу. Рядом в кресле, с включенным ноутбуком на коленях, устроилась сосредоточенная Констанс.

– Слушаю тебя, Дарэл, – произнесла Гранд Леди.

Я коротко пересказал предложение господина Светлова. Расческа на мгновение замерла в ее руке, затем продолжила скользить по мягким пепельным волосам.

– Ты должен согласиться. Мы поможем Грейганну, а они помнят оказанные им услуги. И кроме того, для нас будет полезно знать, что связывает их с Вьесчи.

Мне вдруг пришлось сделать усилие, чтобы сдержать раздражение.

– Леди, Иовану вряд ли понравится, что я лезу в его мысли, в то время как он платит мне за сканирование Рамона. Мне придется читать вриколакоса очень осторожно. Потратить массу сил, а я еще не до конца восстановился после вчерашнего Совета.

– Дарэл! – В мелодичном голосе Фелиции послышались металлические нотки. – Это моя личная просьба.

– Ладно! Хорошо! Я буду сегодня на встрече. Но за последствия не отвечаю.

Я отключился, не попрощавшись. Иован напряженно смотрел на меня, пытаюсь услышать, о чем мы говорили, но не смог уловить ни слова.

– Во сколько встреча?

Грейганн усмехнулся в ответ на мой резкий тон, взвесил на ладони мешочек с алмазами и положил его на капот «понтиака».

– В двенадцать.

– Я приеду раньше на полчаса. Мне нужно будет подготовиться. Проследите, чтобы в помещении для переговоров не курили. И поблизости не болтались люди.

Он внимательно слушал, кивая в конце каждой фразы:

– Все сделаем, как надо.

Запахнул плащ, глянул поверх моей головы на полоску леса и направился к машине. Тяжело опустился на сиденье, закрыл дверь. «Ламборджини» взревел и унесся в темноту, светя красными габаритными огнями.

Я взял мешочек с авансом, сунул его в карман. Сел за руль.

Мальчишки очнулись через пару минут, ничего не помня.

– А почему ты купил такую машину? – Макс как ни в чем не бывало продолжил прерванный разговор.

– Мне нравится название. Почти Понтианак – так звали вампира с острова Ява.

Они рассмеялись в ответ. Переглянулись. Вспомнили о вчерашнем готе. Лориан уже успел рассказать приятелю об оригинальных друзьях Вэнса.

Мне бы сейчас постараться отключиться от всего, расслабиться. Привести в порядок раздерганные чувства. Обычно в обществе людей это получалось хорошо. Буду надеяться, что мальчишки и Гемран вдохновят меня, и взлом ментальных щитов кровных родственников пройдет успешно.

Нужное здание располагалось напротив сквера. Островок леса посреди города шелестел листьями под ветром. Но этих робких звуков не было слышно за гудками машин, человеческой речью и гулом в проводах.

Сам театр находился в полуподвале. Сюда надо было спускаться по узкой каменной лестнице, застеленной задубевшим от грязи ковровым покрытием.

Лориан с приятелем шли следом за мной, громко топая своими тяжелыми ботинками. Я чувствовал их нетерпение, смешанное с легким волнением и справедливым опасением споткнуться на крутых ступеньках. Макс вытащил цифровой фотоаппарат и принялся вдохновенно запечатлевать святую святых – коридор, по которому пару часов назад прошел сам Вэнс.

Спустившись, мы оказались в темноватом холле, куда выходили двери сразу несколько помещений. На подоконнике фальшивого окна, вырезанного в стене, сидели два парня в женских колготках, атласных рубашках и туфлях с пряжками. Актеры. Они проводили нас затуманенными, видимо от глубоких внутренних исканий, взглядами.

Громко разговаривая и смеясь, мимо прошли еще трое служителей музыки Мельпомены. Все молодые, не старше моих спутников. На гладких юных лицах неумелые попытки с помощью грима изобразить трагические переживания старости.

Три девчонки с ворохом старой одежды в руках, представляющей театральный реквизит, прошмыгнули мимо.

Репетиционный зал был крошечным. Маленькая сценка, на которой умудрились соорудить пару хлипких деревьев, кособокий серый домик, изображающий храм, и суфлерскую будку. Над декорациями висело потертое синее небо с серебряными звездами.

На переднем плане длинноногая девица в короткой юбке, высоких сапогах и расшитой бисером кофточке яростно изображала трагическую греческую героиню. Не нужно быть специалистом, чтобы понять – кроме радости бытия, удовольствия от пребывания на сцене и приятной внешности, молодая актриса не обладала больше никакими талантами.

Рядом с вековым дубом из картона топтался парень, лихорадочно перелистывая тетрадь. Видимо, со словами своей роли.

В зале, на последнем ряду, собралась компания исполнителей, не занятых в этом действии. Они непринужденно болтали и посмеивались. Довольные, спокойные. Счастливые, что выдался вечер приятного общения с друзьями.

Вообще, здесь витала атмосфера взаимного удовольствия. Люди наслаждались встречей друг с другом. А также возможностью поиграть в кого-нибудь постороннего, не того, кем они были в обычной жизни. И только во втором ряду располагался эпицентр ярких, едва контролируемых отрицательных эмоций. Там сидел Вэнс.

Увидев его, Макс толкнул Лориана локтем, внутренне задрожал от восторга и снова принялся фотографировать, боясь пропустить хотя бы один жест легендарной личности.

Британец был одет как всегда во время неофициальных выходов. Потертые джинсы от «Вояж»^[11], синяя рубашка из того же материала и той же фирмы. Любой другой в таком виде выглядел бы стильно – на Вэнсе модная одежда возвращалась к своему изначальному предназначению – рабочей спецовке. Светлый плащ с клетчатой подкладкой в исполнении Джона Гальяно немного исправлял это впечатление. Длинные мелко вьющиеся кудри певца были стянуты в хвост на затылке. Мрачная физиономия небрита.

Рядом с ним сидела темноволосая женщина неопределенного возраста, замотанная

в черное пончо. Режиссер. Подпрыгивая в кресле от переполнявшей ее энергии, она активно дирижировала спектаклем.

– Привет, Дарэл. – Гемран привстал, увидев меня. Глянул на мальчишек. Узнал Лориана, мельком улыбнулся ему. – Подожди. Через пять минут у них перерыв.

Он кивнул на сцену, где девица с ботфортах и парень с открытой тетрадью слились в жарком диалоге.

Режиссер недовольно покосилась на Вэнса, но ничего не сказала – рок-звезду приходилось терпеть молча. У творческой дамы было маленькое, худое, остроносое личико с явным перебором косметики. Массивные серебряные серьги оттягивали мочки ушей. На шее болтались бусы, собранные из необработанных булыжников среднего размера, и еще целая связка цепочек, амулетов, шнурочков. На пальцах кольца, перстни и браслеты. В черных волосах поблескивает цепочка из мельхиора с таинственными символами. И вся эта бижутерия позвякивала, постукивала и позванивала от малейшего движения.

Сама она горела от внутреннего созидательного восторга. Будь у нее возможность выскочить на сцену и самостоятельно сыграть все роли, она бы уже была там.

Я совсем недолго понаблюдал за экзальтированным режиссером и переключился на Вэнса. Его раздражало все. Болтовня артистов на заднем ряду под аккомпанемент хлопков открываемого пива. Манера молодой актрисы в порыве чувств откидывать голову, отбрасывая волосы, падающие на лицо. Ей казалось, что этот жест придает убедительности и трагизма ее репликам. На самом деле он выглядел манерно и наигранно. Гемрана бесил голос девицы, а точнее его полное отсутствие. Пока она говорила, было вполне терпимо, но как только запела, Британец внутренне взвыл. Режиссер же, сияя улыбкой, горделиво посмотрела на гостя – насколько тот оценил ее творческую находку.

Оценил. «Непрофессионализм! – поставил диагноз Вэнс. Это было самое серьезное обвинение, по его мнению. – Клуб по интересам!»

Обводя колючим взглядом зал, он думал о том, что все присутствующие убивают время. Никто из них не добьется ничего, кроме ролей в маленьких любительских пьесках и пустых похвал дилетантов. Никто из них не выберется из этого подвала.

«Я пахал по восемнадцать часов в сутки. Я бредил музыкой, я ею жил... Вонючие, заплеванные забегаловки, где приходилось петь. Никто не верил, что я смогу подняться выше этого уровня. Гроши, которые удавалось откладывать, чтобы купить приличный инструмент. Никто в меня не верил...»

Никто в него не верил.

Кроме меня.

Мы сидели в той самой «запленной» забегаловке, где он пел популярные песенки, чтобы заработать. Вэнс пил пиво и смотрел на меня злыми, голодными глазами человека, которому не дают заниматься любимым делом. У него не было денег, группа, в которой он работал, разваливалась, ушла любимая девушка – единственный человек, который пытался поддерживать его. Устала, разочаровалась, получила более выгодное предложение.

– Тебе нужно записать диск. – Я делал вид, что пью мартини, он не поднимал взгляд от густой пивной пены.

– Деньги. За студию, профессиональную обработку песен, дизайн обложки.

– Я дам денег.

Он скривился, как будто откусил от лимона:

– Нет!

– Я дам тебе денег. И возьму десять процентов с прибыли, если диск будет хорошо расходиться. Если плохо – пять.

Вьесчи впору позавидовать моей деловой хватке. Вэнс впервые за разговор посмотрел на меня. Его болотно-зеленые глаза отразили внутренне смятение. Мой тактический ход удался. Я не бросал ему подачку. Давал деньги под процент – значит, рассчитывал получить прибыль. Значит, верил в него. Больше всего Вэнсу нужна была вера и поддержка.

Он согласился и до сих пор, по-моему, не жалел об этом.

Теперь Гемран сидел в репетиционном зале и бесился оттого, что все присутствующие не понимают смысла настоящего искусства. Для него казалось дикостью попрыгать пару часов на сцене, а затем, благополучно забыв о роли, отправиться на работу. Он не понимал, что для парней и девушек в зале этот театр – всего лишь возможность побыть короткое время в каком-то новом качестве. Превратиться из банковского служащего в Цезаря, из официантки – в богиню. Вэнс жил музыкой все время, для него она – тяжелая, напряженная работа, мучительная и приносящая наслаждение. Но для других – это всего лишь возможность отдохнуть и развлечься.

Лориан, сидящий рядом, осторожно дотронулся до моей руки. Я очнулся от раздумий и взглянул на него.

– Все нормально? – шепотом спросил мальчишка.

Он почувствовал мое напряжение, но не знал, чем оно вызвано.

– Все хорошо. – Я ободряюще улыбнулся и получил в ответ теплую волну вновь обретенного спокойствия.

Лориан снова откинулся на спинку кресла и с любопытством принялся наблюдать за представлением. Ему, в отличие от Вэнса, было интересно. Макс в экстазе продолжал снимать все подряд. Похоже, из парня может получиться неплохой фоторепортер.

Гемран посмотрел на часы. Со злостью подумал о приятеле, который упросил пойти посмотреть на молодую перспективную актрису и не явился сам, хотя клятвенно заверял, что будет не позже десяти. Потом, окончательно наплевав на репетицию, повернулся ко мне. Ему не терпелось поговорить.

– Слушай, Дар. Ты свободен сегодня всю ночь?

Он был в курсе специфики моей «работы», когда посреди дружеской беседы я мог подняться и спешно уйти, сославшись на неотложные дела.

– До двадцати трех тридцати.

– Тогда пора заканчивать эту ерунду.

Вэнс повысил голос и заявил на весь зал с повелительными интонациями своего вчерашнего оперного героя:

– Достаточно. Всем спасибо. Все свободны.

Актриса приоткрыла рот от удивления, и ее красиво накрашенное лицо застыло в напряжении. Режиссер подпрыгнула от неожиданности:

– А вы не посмотрите... еще один диалог... – Она попыталась вернуть интерес рок-певца, делая многообещающие жесты в сторону сцены, но Вэнс упрямо выдвинул нижнюю челюсть и сжал ручки кресла.

– Нет. Хватит. Она мне не подходит. Ни голоса, ни слуха.

Он поднялся, оставив оскорбленную даму-драматурга переваривать его грубость, и кивнул мальчишкам, вскочившим со своих мест.

– Привет. Как дела?

Следующие двадцать минут Гемран раздавал автографы, отвечал на вопросы поклонников, которых в этом зале оказалось порядочно. И старательно не замечал молодой актрисы-неудачницы, многозначительно крутящейся возле него.

Потом, отбившись от фэнов, подошел ко мне. Сел рядом. Лориан с Максом остались с актерами, поглядывали издали на своего кумира, но не решались мешать его беседе. Фотовспышки сверкали с регулярностью в несколько секунд. Британец не обращал на это внимания. Привык.

– Какие еще проблемы, кроме внезапного появления твоей бывшей возлюбленной?

Гемран невесело усмехнулся, показывая, что принимает мой оптимизм, но не в состоянии ответить тем же.

– Последнее время, месяца три, я начал чувствовать вокруг себя странную суету. Постоянно вьются незнакомые люди, предлагают контракты. Выгодные, но... чувствую в них какой-то подвох. Не пойму какой. Как будто подталкивают к далекой, но значимой цели. Звучит что-то типа: «Парень, у тебя может быть очень многое. Все, что захочешь. Ты знаешь, чего хочешь? Деньги. Настоящие деньги, не те, которые получаешь по контракту со своей звукозаписывающей компанией. Положение в обществе. Не в том, состоящем из обкуренных подростков и молодежи. В настоящем обществе. Ты можешь получить все это, но не сейчас. Ты еще не готов. Пока не готов». Странные намеки, странные взгляды, заманивают, как в масонскую ложу.

Вопреки привычке опускать взгляд во время собственного монолога, он пристально смотрел на меня. Требовательно, как будто был уверен, что я знаю ответы на его вопросы.

– А сам ты хочешь настоящих денег, настоящего общества, настоящей славы?

Вэнс улыбнулся:

– О славе речи не было. А деньги нужны всегда.

– Тогда о чем была речь?

– Не знаю. Сам не знаю... – Он опустил голову, глядя на свои руки.

А когда поднял ее, по узкому проходу, направляясь к нам, уже шла девушка.

Паула.

Фэриартос.

Легко, стремительно, упруго, плавно. Перетекая из одного грациозного движения в другое.

Гордо посаженная головка с пышной короткой стрижкой на гибкой шее, стройное, сильное тело.

Ошеломительно хороша. Изумительна. Волшебна.

Светлый брючный костюм идеально облегал идеальную фигуру. Туфли на высоких каблуках. На лацкане пиджака брошь – серебряный подсолнух.

Не красива, не прекрасна. Женщины-Фэри выше этих простых человеческих слов. Божественна. Казалось, она едва держится на грани, отделяющей тонкий вкус и экстравагантность от вульгарности. Губы чуть более полные, чем нужно для ее узкого, заостренного к подбородку лица, чуть более яркие. Скулы выступают немного сильнее. Нос мог бы быть немного более тонким, а вырез на груди менее глубоким. Но эти детали вместе создавали столь обольстительный образ, что я почувствовал, как все мужчины в зале одновременно затаили дыхание и одновременно выдохнули.

Изумительная внешность – одно из орудий Фэриартос.

Лицо Вэнса окаменело. Я увидел, как дернулся его кадык – с трудом сглотнул, сунул

руки в карманы плаща, сгорбился, но тут же расправил плечи.

Это была она. Та самая «потерянная возлюбленная», по чьему поводу я иронизировал минуту назад. Та, о ком он говорил со мной по телефону. Паула, которая бросила Гемрана в начале его карьеры, для того чтобы стать фэри.

Подошла, небрежно покачивая сумочкой на длинном ремешке. Улыбнулась. И произнесла великолепно модулированным, глубоким, певучим, пьянящим голосом:

– Привет, Вэнс. – Посмотрела на меня с вежливым, отлично сыгранным интересом. – Познакомишь со своим другом?

– Это Дарэл, – буркнул Гемран, глядя в пол. – Дарэл – Паула.

Она протянула мне изящную ладонь, украшенную тонким витым браслетом. Я сильнее, чем было нужно, сжал тонкие пальцы:

– Очень рад.

– Взаимно. – Девушка играла очаровательными ямочками на щеках, не показывая неудовольствия от моего намеренно грубого рукопожатия. – Что привело вас сюда, Дарэл?

– То же самое, что и вас, Паула.

«Зачем пришел, Даханавар? Какие у тебя могут быть интересы в театральной среде?»

«Не твое дело!»

Наша перебранка звучала мысленно, в то время как мы любезно улыбались, делая вид, что видим друг друга впервые.

«Добрались, в конце концов, и до него?! Хотите обратить Вэнса?!»

«А это не твое дело!!!»

«Мое. Загубите отличного певца. Дайте ему пожить. Он хочет жить как человек!»

«Он хочет денег и славы. И он хочет быть со мной».

Да. Вэнс всегда хотел быть с ней. Он любил Паулу. Он мечтал добиться успеха еще и для того, чтобы она поняла, как ошибалась в нем, и вернулась. И она вернулась. Но не той девочкой, с которой они пели вместе десять лет назад, а прекрасной, великолепной приманкой своего клана творческой богемы.

Она была очень способной ученицей лично маэстро – Александра Фэриартоса. Жертвы, намеченные ею, никогда не уходили. Очаровать, убедить, купить человека или действовать через его жену, любовницу, друга, партнера по бизнесу. Клан пожирал привлекательных, талантливых людей. Он хотели сохранить красоту и гениальность на века. На вечность. Законсервировать волшебную искру, загорающуюся в душе художника, залить воском боль, рождающуюся в сердце актера, засушить тонкие изменчивые образы, витающие над головой писателя.

Безумцы. Они не знали, что это невозможно. С годами ощущения и эмоции притупляются. А тысячелетия жизни убивают все чувства. Душа становится холодной. Не способной гореть. Фэри лишали людей того, что я искал в них и ценил больше всего – ярких, живых чувств.

Через пару веков Вэнс не захочет петь. Послушные связки возьмут любую ноту, но боль и страсть уйдут из его голоса. Он сам не заметит, как изменится. Забудет, каким был раньше...

Молчание затягивалось. Я прожигал Паулу ненавидящим взглядом. Она презрительно надувала пухлые губки. Вэнс переводил взгляд с нее на меня, и обратно. Чувствовал – нас связывает нечто, но не понимал что.

– Паула, ты хотела поговорить со мной? – решился он наконец на прямой вопрос.

– Хотела. Но вряд ли получится сегодня. Ты занят.

Гемран хотел возразить, что для нее свободен всегда, но промолчал. Из-за меня. Не хотел признаваться в ее власти над собой. Несколько часов назад в телефонной беседе со мной Вэнс называл девушку стервой. Теперь готов был повиноваться любому ее желанию. Очарование фэри действовало безотказно. Невозможно сопротивляться.

Нет, возможно. С ментальной помощью Даханавар.

Паула нахмурилась, когда почувствовала, как я «проясняю» разум ее жертвы. «Она бросила тебя, когда ты сильнее всего нуждался в ней. Ушла к богатому и благополучному бездельнику. А теперь, когда ты стал знаменит, явилась. Низкая, подлая, расчетливая тварь!» Эти слова звучали в голове Вэнса, произнесенные его собственным голосом. Неотличимые от его мыслей. Болезненные, отрезвляющие.

«Даханавар, что ты делаешь?! Зачем настраиваешь его против меня? Как ты смеешь вмешиваться?!»

«Смею! Оставь его в покое! Охмуряй кого-нибудь другого».

Казалось, лицо Паулы засветилось волшебным мерцающим светом, как жемчужина, извлеченная из раковины. Она стала немыслима хороша. Находиться рядом с ней и не желать ее стало невозможно. Это был ответ на мое грубое вмешательство в психику ее жертвы. Вэнс мысленно застонал. Его невыносимо тянуло к фэри, он был почти готов наплевать на свою гордость, но я «держал» Гемрана. Ради него самого.

«Один раз она уже предала. И сделает это снова. А ты никогда никому не прощал предательства».

Паула продолжала улыбаться и смотрела на него. Нежно, призывно.

Не знаю, чем, в конце концов, закончился бы наш поединок. Но человек – поле битвы. Даханавар и Фэри отступил первым. Не выдержал борьбы между гордостью и любовью.

– Паула, давай встретимся завтра. Дарэл, я позвоню тебе... Сегодня не могу.

Он выглядел измученным, как после концерта. Опустошенным. Накал яростных чувств в его душе не оставил ничего, кроме апатии. Вэнс ушел, не прощаясь, тяжелой походкой человека, несущего на плечах неподъемный груз. Не оглядываясь.

Мы с Паулой посмотрели друг на друга. В ее темных глазах заблестели злобные огоньки, словно открылись два черных окошка в болотной трясине. Лицо по-прежнему красиво, но, казалось, под гладкой кожей пробегают мелкие волны ненависти. Впрочем, я и сам, думаю, выгляжу не лучше.

– Не мешай мне делать мою работу, – прошипела фэри, гневно раздувая ноздри.

– Работу?!

– Он получит деньги, свободу, славу, бессмертие. Все, о чем может мечтать смертный.

– Я не понимаю, зачем вам Вэнс. Он же не соответствует эстетическому идеалу Фэриартос.

– Он невероятно талантлив и работоспособен. Это искупает недостатки его внешности. К тому же наша кровь даст ему привлекательность.

– А мне кажется, дело не только в интересах Клана. Он нужен тебе. Не так ли?

Паула высокомерно приподняла бровь:

– У меня тоже могут быть личные привязанности.

– Хочешь отомстить?

Она удивилась. Хотя внешне не показала этого. Фэри учат железной выдержке не менее строго, чем леди-даханавар.

– Что ты имеешь в виду?

– У него великолепный голос. Изумительный успех.

Пусть не мировая слава в веках, но вполне достаточно для живого человека. Деньги. Не миллиарды. Но хватает. Свобода. Слегка ограниченная, и все же есть. Он добился этого сам. Своими человеческими силами.

А ты струсила. Испугалась полуголодного существования и постоянной работы. Побежала к богатому благодетелю. Продала свою смертную сущность за теплый коврик и полную миску.

А теперь носишься, выполняя приказы господина. Забираешь человеческое счастье у других. Соблазняешь легкой жизнью. Которая на самом деле безумно тяжела... Отвратительно тяжела и бессмысленна.

А ведь у тебя тоже был талант. Сколько лет ты уже не поешь?

Губы Паулы задрожали, но она крепко сжала их, зато в глазах заблестели слезы. Девушка стиснула кулаки, с трудом сдерживаясь, чтобы не вlepить мне пощечину. Едва сдержалась. Можно было позлорадствовать. Но меня в ответ обдало такой жгучей душевной болью, что на секунду стало тяжело дышать.

Я сказал правду. То, о чем она старалась не думать, прячась за мысли о величии своего клана, о своем бессмертии, исключительности и красоте. Теперь передо мной стояла не обольстительная, уверенная в себе женщина, а девчонка с мокрыми ресницами, потерявшая саму себя. Настоящую. По глупости, опрометчивости или корысти, какая разница. Прежнего уже не вернуть.

– Мерзавец! – прошептала она, горько кривя красивые губы. – Проклятый телепат!

Развернулась и быстро пошла прочь от меня, почти побежала. Я не сканировал ее. Всего лишь произнес вслух то, о чем думал. И попал в самое больное место...

– Лориан, Макс, идемте. Я отвезу вас домой.

Они сидели в машине тихие, задумчивые. Чувствовали мою нервозность, которая глушила их радость от встречи с Вэнсом. Но ребята списывали свою легкую апатию на усталость.

Сначала я доставил Макса. Потом Лориана. Вылезая из «понтиака», он хотел что-то сказать, но, взглянув на мое замкнутое, хмурое лицо, произнес только:

– Спасибо. Пока.

На меня снова неожиданно повеяло теплым летним ветром, лучик солнца смыл видение двух черных окошек в зеленой болотной ряске, наполненных человеческими слезами. И я ответил неожиданно для себя самого:

– Тебе спасибо.

– За что?! – искренне, по-детски удивился он.

– За тебя.

Я захлопнул дверцу машины, оставив его стоять на мокром тротуаре под холодным морозящим дождем. Озадаченного, но довольного.

Адрес, по которому должна проходить встреча Иована и Рамона, был «передан» мне Словеном мысленно.

Я узнал помощника Старейшины Грейганн по злобно-агрессивной ауре и пренебрежительному отношению к «городскому телепату». Молодой вриколакос небрежно «скинул» информацию и отключился, умудрившись вложить в простое действие максимум

презрения. Щенок.

У него действительно были способности сенсора. Невысокие по уровню техники, но усиленные звериным чутьем. Это плохо. Он может почувствовать, как я лезу в мысли его наставника.

Несколько минут перед тем, как подняться в офис для переговоров, я сидел в машине, пытаюсь расслабиться, отключиться от постороннего. Почувствовать себя пустым внутренне. Готовым перекачивать чужие эмоции, распутывать ассоциации и тайные планы. Едва ли не силой выдрал из души светлый образ Лориана, воспоминания о его человеческой беспомощности, жадном любопытстве и сочувствии.

Вышел из машины. На стоянке перед современным высотным зданием, похожим на пирамиду из стеклянных кубов, было припарковано несколько автомобилей. Черный «ламборджини» смотрелся среди них волком, припавшим к земле перед прыжком.

Я вошел в ярко освещенный подъезд, снаружи напоминающий витрину дорогого магазина. Охранник на ресепшене вопросительно посмотрел на меня. Выглядел он слегка замороженным, но это могло объясняться не присутствием киндрэт, а тяжелым рабочим днем. Услышав цель визита и мое имя, кивком головы указал в сторону лифта.

Двадцатый этаж. Из огромного окна в коридоре был виден весь город. Полосы огня, текущие по улицам, сияние вокруг ярко освещенных зданий. Тонкие двухголовые тела фонарей, горящие желтым, поднимались из земли ровными рядами. Рекламные щиты светились ярким неоном. И далеко на востоке бледная, едва заметная дымка в ночном небе – вечное напоминание о смертельном для меня солнце.

Я с трудом заставил себя оторваться от ее созерцания и пошел к нужному офису. Здесь тоже было окно во всю стену, но оно оказалось закрыто белыми жалюзи. В центре – овальный стол, вокруг него четыре кресла. Пепельницы, стаканы, бутылки с минеральной водой. Экран, кинопроектор. Белая доска для записей.

Иован сидел в кресле, и, казалось, ножки современной мебели подгибаются под его тяжестью. Словен – нервный, злой, голодный – стоял у окна. Вриколакосы считали, что сканэр будет работать лучше на «пустой желудок». Чувствительность обострится.

Впрочем, может, у них это действительно так.

Ментальный щит младшего грейганна выглядел странно – переплетение колючей стальной проволоки. Старший был окружен привычной монолитной стеной.

– Садись. – Иован показал мне на кресло рядом с собой. – Если что надо – говори.

Не обращая внимания на злобные взгляды Словена, я прошел к своему месту. Сел. Достал из внутреннего кармана кожаный чехол размером с обычный бумажник. Под заинтересованным взглядом грейганна, открыл его. В узких ячейках лежали тонкие стеклянные капсулы. Я достал одну, разломил и вылил содержимое на носовой платок. Острый свежий аромат поплыл по комнате, забивая казенный запах офиса.

Вриколакос заинтересованно принюхался, шумно втянув носом воздух.

– Левзея кубеба. – Прижав платок к лицу, я несколько раз глубоко вдохнул. – Проясняет сознание и придает остроту мысли.

– Я знаю, для чего нужна левзея, – проворчал Иован, изучая меня с большим интересом. Не предполагал, что я могу разбираться в ароматерапии. Словен у окна презрительно фыркнул.

Обычно я не пользовался дополнительной стимуляцией, но сегодня ожидался тяжелый

вечер.

Рамон появился ровно в двенадцать. За ним шли двое помощников. Вьесчи прищурился, увидев меня, сел напротив, щелкнул замками дипломата, вынул папку с документами. Положил перед собой.

– Насколько я помню, уважаемый Иован, – сухо произнес он вместо приветствия, не глядя ни на кого, – ты не предупреждал, что на встрече будет присутствовать телепат.

Довольный грейганн провел ладонью по бороде:

– Предупреждал.

– Ты говорил об этом. – Рамон презрительно указал на Словена, исподлобья поглядывающего на всех присутствующих по очереди. – Но ни слова не было сказано о Дарэле Даханаваре.

Рамон злился.

– Хорошо. Приступим. – Поборов раздражение, он раскрыл папку и подвинул бумаги к партнеру. – Тебе нужно подписать эти документы. В трех экземплярах.

И начались долгие, нудные переговоры. Вьесчи собирались взять в аренду кусок земли, принадлежащий клану Вриколакосов. И каждый пытался заключить сделку с максимальной выгодой для себя.

Мое сознание разделилось. Одной его частью я честно изучал Рамона. Другой осторожно прощупывал Иована, закрываясь одновременно от старейшины и его помощника. Словен попытался залезть в мое сознание, но тут же получил ощутимый укол, похожий на болезненный электрический разряд. Ощетинился от злости. Теперь я постоянно слышал его громкое ворчание, но он уже не мог отвлечь меня от основной работы.

Голова вьесчи была забита цифрами. Длинными цепочкам расчетов, виртуальными образами реальных прибылей. Жирная линия воображаемого графика ползла в его сознании, поднимаясь или опускаясь в зависимости от результата вычисления. Это было даже интересно. Он просчитывал итог своих действий на десяток ходов вперед. Безупречная логика.

Понимая, что не запомню рост процентов с эксплуатации земли грейганнов в течение семи лет, я протянул руку к лежащей передо мной на столе бумаге, взял ручку и стал не глядя записывать колонку цифр, возникающих перед глазами.

Рамон искоса взглянул на мои корявые записи и покровительственно усмехнулся. В деле с вриколакосами ему скрывать было нечего.

Иован просматривал документы, сосредоточенно хмуря брови, чувствовалось, что ему сложно разбираться в тонкостях юридического языка.

– Еще один экземпляр. – Я протянул руку к папке вьесчи, и тот, снисходительно улыбаясь, протянул мне копию договоров.

– Пункт первый. Обязанности сторон...

И началась нелегкая работа перевода сухих терминов в понятные грейганну образы.

Постепенно Рамон стал раздражаться. Время шло, а мы добрались лишь до середины договора.

– Господа, может быть, вам оставить документы для детального изучения? Встретимся завтра. Или вы готовы выдвинуть мне конкретные обвинения в нечестной игре?

– Эта земля стоит слишком дорого. – Я грубо перебил вьесчи. Сам не знаю зачем. Какое мне дело до стоимости участка, подлежащего аренде?! – Неперспективный район. За десять лет можно развить инфраструктуру. Но доход он станет приносить не раньше чем через

пятнадцать-двадцать.

– Я в курсе. – Рамон высокомерно повел рукой, отметая мое заявление как несущественное. На его запястье блеснули часы марки «Лонжин».

– Нет дорог. Высоковольтная линия...

– Я знаю! Уважаемый Дарэл, вас пригласили для обеспечения эмоционального контроля переговоров. Выводы обе стороны сделают сами.

Словен нагло ухмыльнулся, посылая гаденькую, ехидную мысль о моей профпригодности. Я не обратил на него внимания. Иован буркнул что-то успокоительно-одобрительное в мой адрес и потянулся за ручкой.

– Подпишу. Все устраивает. Знал – не обманешь, Рамон, но проверить надо было.

Я снова поднес к лицу платок, пропитанный левзеей, чувствуя, как сознание начинает перекашивать от несовместимости ощущений двух лидеров кланов, и вдруг увидел. Перед глубоким погружением в чужие эмоции накатила короткая дурнота, в ушах зазвенело. Видение пришло со стороны Рамона.

Человеческая фигура на земле. Тело, выгнутое дугой, закаченные глаза, рот, разинутый в крике... вопле, оскаленные клыки. Значит, кто-то из киндрэт. Руки раздирают на груди одежду, скрюченные пальцы царапают кожу. А над ним высокий, широкоплечий силуэт в длинном плаще. И напротив – другой, в современном деловом костюме. Наблюдает...

Картина потекла, сменилась бешеным нетерпением Рамона. Он подался вперед, едва не схватив меня за отворот пиджака.

– Что?! Что ты увидел?

– Ничего, – пробормотал я, комкая в руке влажный платок. – К делу не относится. Это... личное.

Вьесчи не удовлетворился моим ответом, но пояснений потребовать не успел. Гневный вопль Словена взвился к потолку:

– Отец! Отец, он!..

Договорить ему я не дал. Терпение истощилось. Попытка наглого щенка влезть в мои мысли была последним событием за прошедшие два дня, которое довело меня до бешенства.

Я ударил. Сильно, резко, с наслаждением. Без предупреждения. Словен взвыл, обеими руками схватился за голову. Рухнул на колени. Заскулил, как побитая собака. А я продолжал увеличивать напряжение «нейронной атаки». Это было действительно больно. От такого кажется, что мозги начинают кипеть.

– Дарэл! Дарэл!!! Оставь его! Перестань! Хватит!

Рамон не решался прикоснуться ко мне. Его крик заглушал вопли щенка, но кроме желания прекратить экзекуцию и мирно разойтись он испытывал острое любопытство, наблюдая за агрессивным проявлением силы даханавар. Иован держал меня за плечо, с его пальцев текла мягкая, теплая волна. Пытался успокоить. Странно, а должен был напасть.

– Отпусти его. Отпусти...

Словен всхлипывал, его сознание дрожало в предобморочном состоянии, но никак не могло сорваться в полное беспамятство. Говорят, звери не могут падать в обморок.

– Прекрати! Довольно!

Я отпустил его. Не потому, что пожалел. Стало противно. Сам себе стал противен. Молодой вриколакос скрючился на полу, ткнувшись головой в колени. Рамон откинулся на спинку кресла.

– Вот это я имел в виду, когда говорил о своем нежелании задействовать в переговорах

сканэра Даханавар.

Иован грузно опустился в кресло. Размашисто подписал все три копии договора. Вынул из-за пояса мешочек, через стол швырнул его мне.

Я молча взял алмазы и, не прощаясь, вышел из офиса. Меня шатало.

Глава 4

Почти бессмертие

Мир можно разделить на два класса – тех, кто верит невероятному, их большинство. И тех, кто творит невозможное.

Оскар Уайльд. Женщина, не стоящая внимания

16 сентября 2004. Дарэл Даханавар

Я пытался не думать.

Глядя на мокрую дорогу, плавно летящую под колеса машины, развлекал себя посторонними размышлениями. О Пауле, Вэнсе, даже о том, в какой банк и под какой процент положу заработанные сегодня деньги в алмазном эквиваленте. Но проклятые мысли забивали голову, я вяз в них, как в сухом песке.

Для чего грейганн пригласил меня на переговоры? Что ему нужно было на самом деле? Если Иован не разбирается в гражданском праве, мог бы позвать юриста. Тот растолковал бы ему все документальные тонкости.

Зачем платить кучу денег за никчемный кусок земли?

И что значит мое видение?

Нет, пусть об этом думает наша Первая Леди! Мое дело – телепатия. Обеспечение эмоциональной поддержки переговоров, как заявил Рамон. Больше я ничего не хочу знать!

Дорога, освещенная фонарями и фарами проезжающих машин, вдруг поплыла перед глазами. Пришлось сделать усилие, потрясти головой, чтобы вернуть остроту зрения. Я устал. Осточертели все родственники вместе с их делами. Не желаю о них думать.

Забавно, а ведь всего за два дня я нажил трех врагов: Амира, Паулу, Словена. Может быть, еще Иована...

Фелиция позвала неожиданно. Громко. Так, словно сидела рядом – на соседнем сиденье. Голос молодой, звонкий, вибрирующий от внутренней силы. Она прекрасно отдохнула, хорошо пообедала и великолепно себя чувствовала. С неожиданной досадой я понял, что мне неприятно ее слышать.

– Дарэл.

– Переговоры закончились. – Естественно, этой короткой фразой от нее не отделаешься. Леди хотела полного, детального отчета.

– Я жду тебя.

– Нет. У меня ни времени, ни сил.

Она помолчала, решая, стоит ли обращать внимание на дерзость «птенца». Оценила важность того, что я могу сообщить. Вспомнила, что наглость не постоянный мой порок...

– Хорошо, поговорим сейчас. Что ты узнал?

– Может быть, завтра? Я... устал.

Напрасная попытка выторговать немного отдыха.

– Мне нужна эта информация сегодня. – Она не приказывала. Мягко настаивала. И ей было все равно, что чувствует «телепат». Я.

При необходимости Фелиция вывернула бы меня наизнанку, лишь бы выяснить интересующие факты.

«БМВ» с затемненными стеклами обогнал мой «пontiак» и раздраженно посигналил. Его гудок был низким, будто уходящим в инфразвук. Я ехал слишком медленно и занял среднюю полосу. Пришлось перестраиваться в правый крайний ряд.

Ментальных сил осталось мало, но я с мстительной, отчаянной решительностью протянул между нами глухой тоннель, защиту от прослушивания. Хотя она могла сделать это сама.

Коротко, преодолевая отвращение, пересказал содержание встречи:

– Не понимаю, зачем я был нужен вриколакосу. Он мог обойтись без меня. – Я притормозил у светофора, дождался, пока загорится стрелка для нужного мне поворота. – Зачем вообще было устраивать этот фарс с арендой? Вьесчи выбросили кучу денег ни за что.

Я не ждал отклика на свои вопросы, но Фелиция неожиданно снизошла до ответа, вернее, до размышления вслух:

– Не выбросили. Рамон заплатил Иовану за услуги.

Аренда была всего лишь предложением.

– Все равно. Он мог передать деньги, не впутывая в личные дела старейшин постороннего.

– Ты был нужен ему... Что это за звук?

– Тормоза. Я на машине. Ехал, теперь остановился, мне сложно одновременно следить за дорогой и разговаривать с тобой. Так зачем мое присутствие было нужно Иовану? Я ведь мог увидеть что-нибудь, компрометирующее обоих. И увидел.

– Иован не так дик, как ты думаешь. Я полагаю, это видение предназначалось не для тебя. Вриколакос знал, что ты передашь мне их с Рамоном беседу дословно. Со всеми увиденными образами.

– Не понимаю.

Фелиция помолчала, как будто сомневаясь, стоит ли посвящать меня в тонкости политической игры. Я слегка опустил стекло со своей стороны. В узкую щель потянуло прохладой и острым запахом города. Редкие машины, проезжающие мимо, освещали салон «пontiака» яркими огнями.

– Вьесчи лишены магии. Ты знаешь об этом.

Не вопрос – утверждение. Но я не был бы в этом так уверен. Негоцианты не могут швыряться огнем или делать зомби, но как объяснить Фелиции ощущение колючего, искрящего электричества внутри Рамона. У него есть сила, хотя я не мог бы определить ее суть.

– Они попытались получить немного магического потенциала у грейганнов. Как ты видел – не получилось. Опытный экземпляр погиб.

Я тупо смотрел на приборную доску. Надо съездить заправиться – бензин почти на нуле.

– Вы хотите сказать, что вьесчи проводят эксперименты по соединению сил двух кланов? Но это же бред!

– Как сказать, – уклончиво отозвалась Леди. – Негоцианты так не считают. Рамон не хочет афишировать свои тайные дела, поэтому даже простая передача денег замаскирована им под сделку аренды.

Она замолчала, отвлеклась на происходящее в комнате. Я не захотел смотреть на что именно. Глухое раздражение стало сильнее. Меня использовали. Как живую видеокамеру.

Записали нужную информацию и передали хозяину.

– Ты хорошо поработал сегодня. – Фелиция «вернулась», лучась удовольствием от моей успешно выполненной миссии. – Я довольна.

Это можно было считать разрешением отправляться домой. Даже не поблагодарила. Не удосужилась произнести вслух элементарное «Спасибо, Дарэл». Хотя к чему? Неодушевленные предметы не благодарят. Средство связи выполнило свое предназначение. О нем можно забыть на какое-то время. Когда понадобится – позови, и оно снова возникнет на расстоянии вытянутой руки.

Я вернулся в свою темную пустую квартиру, прошел в гостиную и, не снимая куртку, сел в кресло.

Голова гудела. «Белый шум» – избыток информации. Шорох, звон, скрип, бессмысленные отголоски чужих эмоций. Кожа вокруг глаз казалась воспаленной, на скулах – туго, болезненно натянутой и собравшейся в глубокие складки от носа к губам.

Усталость перешла свое пограничное состояние. Вместо тупой апатии – нервная внутренняя дрожь. Надо бы поспать. Отключиться от мыслей и воспоминаний.

Интересно, а если Рамон предложит Фелиции очень большие деньги за то, чтобы вскрыть мою голову и посмотреть, как я читаю чужие мысли, – она согласится? Нет, вряд ли. Терять отличного сканэра за вульгарное материальное вознаграждение – глупо. Но я не уверен, что она не пожертвует мной ради каких-нибудь серьезных интересов клана. И оправдает эту жертву жизненной необходимостью.

Как они меня достали! Жадные, дальновидные, мудрые, подлые... пустые. Высушенные, выжженные, вымороженные сущности внутри молодых привлекательных тел. Отягощенные памятью прошедших веков. Забывшие подлинные, яркие чувства. Старые.

На улице, за стенами дома, начинался день.

День... Пылающий диск в горячем мареве светлого осеннего неба. Густые тени с острыми краями, лежащие на асфальте. Дома, облитые светом. В каждом стекле отражается маленькое слепящее солнце. Человеческие лица кажутся белыми в этом освещении. Бледными.

Я пошел в спальню, разделся, побросав одежду как попало. Забрался в постель, прижался щекой к прохладной подушке, зажмурился. Под закрытыми веками продолжали плавать горячие красные пятна.

Уснуть не получалось. Меня мотало по сновидениям, но я не мог зацепиться ни за одно. Захлебывался, тонул в серой мути. Ворочался в постели, пытаюсь найти удобное положение, в котором уставшее тело расслабилось бы, и не находил.

Говорят, лигаментиа умеют управлять пространством, находящимся между реальностью и миром снов, могут черпать оттуда свои силы, знания. В тонком слое между состояниями полного засыпания и бодрствования растворена масса информации, течение времени меняется каждую минуту, там легко потерять себя. Поэтому дети Лигаменты обладают способностью предсказывать будущее и видеть прошлое. Поэтому они такие странные.

Резкая трель телефонного звонка прозвучала пронзительно. Оглушающе. Меня встряхнуло и вышвырнуло из глубокой темноты, куда я погрузился, казалось, всего несколько минут назад. Злость, усталость, только начинающие растворяться в сновидении, вернулись.

– Алло, Дарэл?

Я с трудом подавил зевок:

- Слушаю.
- Это Лориан. Что ты сейчас делаешь?
- Сплю.
- Спишь?!

Он зазвенел смехом на том конце провода, и мне показалось, что из трубки прямо мне в лицо бьет поток ослепительного света. Пришлось закрыть глаза.

- Спишь? Это в четыре часа дня?
- Боже, какая рань!

Он снова рассмеялся, думая, что я шучу.

- Просыпайся. На улице чудесная погода.
- Да? И что там?
- Тепло. Тихо. Небо ясное, солнце светит...

– Отвратительно, – пробормотал я и был вознагражден еще одним взрывом чудесного смеха. Открыл глаза и сейчас же в темноте комнаты увидел его – мальчишку, пританцовывающего от нетерпения у телефона. Он звонил из автомата, стоящего в парке на углу, – вот откуда это ощущение огромного пространства, полного света и шороха опадающих листьев.

– А я люблю осень. Просыпайся и давай встретимся. Я хочу передать тебе фотографии. Те, что Макс делал, когда мы были на репетиции. Помнишь? Там вы с Гемраном. Беседуете. И еще фото, где вместе с девушкой Вэнса. Это ведь его девушка? Мы сразу догадались. Представляешь, какой эксклюзив?! Ты можешь гордиться.

Мальчик был абсолютно, искренне уверен, что эти фотографии действительно могут осчастливить меня. Конечно, больше мне гордиться в этой жизни нечем – стою рядом с интриганкой Паулой и ее будущей жертвой. Но его наивность, радость и желание сделать приятное в ответ на то, что я (не прилагая никаких усилий) помог ему воплотить в жизнь мечту – одну из многих, – было очень приятно. Лориан от всей души хотел сделать для меня что-то хорошее.

Как не похоже это на эгоистичное отношение к жизни моих родственников. Я понял, что улыбаюсь. Несмотря на свое не проходящее раздражение.

- Дарэл, давай встретимся сейчас.
- Я не могу.

– Если у тебя плохое настроение, я постараюсь тебя развеселить. Мы можем зайти в парк. Там очень красиво. – Он помолчал и добавил чуть дрогнувшим голосом: – Я так счастлив сегодня... – И тут же попытался «исправить» проскользнувшую было романтичность, изменив интонации голоса в сторону деловой сосредоточенности: – Я буду ждать тебя на мосту, там, где ты подошел ко мне.

- Я не могу сейчас.

– Почему?! – Он снова замолчал и несколько долгих секунд я слышал только гулкую тишину, а потом тихое: – Ты придешь?

- Да. На мосту, в девять вечера.

И, прежде чем он успел возразить, положил трубку, а потом выдернул разъем из розетки.

Оставалось пять часов, достаточно времени для того, чтобы выспаться... Если я смогу это делать.

...А ведь мне, похоже, становится лучше, когда я говорю с ним. Исходящая от мальчишки жизнерадостность размывает мою ядовитую ожесточенность, и уже не так гудит голова...

Но теперь он точно не придет. Такого пренебрежения мальчик не простит. Он звал меня в свой мир позолоченных осенью деревьев, ясного неба и поспевшей рябины, а я повесил трубку. Он не простит.

Я зажег свечи. Все, которые у меня были. Много-много свечей. Золотистое сияние поднялось над тонким белым воском и поплыло по комнате все выше и выше, мягко омыло больные глаза, пересохшие губы, все лицо. Я опустился в кресло и позволил золотому свету играть с моим воображением. Его дрожащие блики сливались, и в них виделось сочувствующее человеческое лицо.

Почему меня тянет к тебе, крохотный огонек на мосту? Ни тепла от тебя, ни света. Движение руки, и я погашу тебя. Зачем ты мне? Почему мое, давно уже успокоенное, сердце вспоминает, как сладко замирать и взлетать, как приятно волноваться и ждать?.. как хорошо быть человеком, как хорошо... не быть одному...

...Бред!

Резким взмахом руки я сбросил свечи со стола на пол. Туда же полетел подсвечник с тумбочки. Ногой расшвырял огарки у кресла.

Если б я мог так же растоптать огоньки в своей душе, я бы давно сделал это...

Он пришел.

Я стоял на мосту. Темная вода лениво колыбалась далеко внизу. Холодный ветер бросал в лицо редкие капли приближающегося дождя, а в разрыве туч белым светом сияла далекая ледяная Вега. Я смотрел на нее и вспоминал совершенно ненужный, дурацкий разговор с добродетельным Кристофом.

– Дарэл, ты можешь ответить на один простой вопрос: откуда в тебе эта постоянная тяга к общению со смертными? Зачем?

Я мог бы ответить честно, что не знаю, если бы он не вел себя со мной как...

– Как со своим «птенцом», Крис! Мне это надоело!

– Ты и есть мой «птенец». С тех пор как погибла Флора, я отвечаю за тебя.

– Смотрите, он отвечает!

– И прошу без иронии. Тебе нужно еще много учиться, чтобы произвести на меня впечатление своим сарказмом... Оставь в покое человека. Перестань морочить ему голову.

– Кристоф, отстань!.. И вообще, хватит следить за мной! Тебе что, больше нечем заняться?

– Когда-нибудь я укорочу твой лживый, дерзкий даханаварский язык!

– Смотри, как бы тебя не укоротили раньше, кадаверциан!

Я усмехнулся, вспомнив, как обмен «любезностями» перешел в совершенно недостойную потасовку, от которой и «учитель» и «ученик» получили массу удовольствия. Мы обменялись парой безобидных заклинаний, после которых у меня перед глазамиплыли зеленые круги, а Кристоф, морщась и одновременно улыбаясь, потирал пальцами виски...

Рядом прозвучал тихий вздох, я обернулся и увидел, что предмет нашего спора стоит рядом. Зеркальные отражения холодной Веги вспыхивали в его глазах.

– Я принес фотографии. Но уже темно, ты не сможешь ничего на них увидеть. – Четко и медленно он выговаривал каждое слово дрожащим от обиды голосом. – Я не понимаю, зачем бросать трубку. Мы могли бы и не встречаться сегодня.

Я посмотрел на него внимательнее. Обида, удивление, недоумение, ожидание, тихая

дрожь. Что еще я должен знать? Что еще мелькает в твоих чувствах так быстро?

– Извини, Лориан. У меня очень серьезные проблемы на работе.

Я почувствовал, как его отношение мгновенно изменилось. Потекло, словно горячий пластилин, потеряло официальную форму. Участие и внимание к чужим неприятностям затопило огорчение от моего хамства.

Он вспомнил о моих способностях эмпата и связанной с ними работе. Забеспокоился. В его чрезмерно развитом воображении замелькали картины того, что могло произойти. И в большинстве видений присутствовали почему-то крепкие парни с бритыми затылками, свирепыми физиономиями, пистолетами под кожаными куртками. Разозленные тем, что я неправильно предсказал котировки валют на бирже. А тут он со своими фотографиями.

– Очень серьезные?

– Терпимые.

Порыв ветра с реки сдул холодные капли с перил моста. Лориан поежился.

– Тебе холодно?

– Немного... – Он шмыгнул покрасневшим носом, улыбнулся. – Хочешь, пойдем ко мне? Посмотрим фото. Я покажу тебе мою коллекцию дисков Вэнса.

Мне вдруг стало не по себе. Вспомнилось древнее суеверие. До тех пор, пока ты не пригласишь вампира к себе в дом, он не сможет войти. Не сможет причинить тебе вред. Неприятное ощущение. Я почувствовал себя одним из этих жадных, дальновидных, мудрых, подлых, старых...

Лориан смотрел со спокойным ожиданием, не зная, что творится у меня в душе.

– Твои родители не будут против?

– А их нет дома. Они еще неделю в отпуске, в Египте. Я пока живу один.

Я глубоко вздохнул про себя, а вслух сказал:

– Ладно. Идем.

Лориан жил в Ботаническом переулке, в новом шестнадцатизэтажном доме, стоящем параллельно проспекту Мира. На десятом этаже.

Он привел меня в свою квартиру и здесь, среди привычных, знакомых вещей почувствовал себя увереннее:

– Проходи, раздевайся. Тут у нас гостиная...

Я прошел мимо него, задернул шторы.

Уютно, тепло, удобная красивая мебель. На полках изящные безделушки, книги, фотографии. Я с любопытством разглядывал улыбающиеся лица незнакомых людей, такие беззаботные. Эта очаровательная женщина в легком ситцевом платье под полосатым зонтом наверняка его мать. У подростка ее глаза и волосы. А этот человек с собакой – отец. Когда-нибудь у Лориана будет такой же твердый подбородок уверенного в себе мужчины, такой же пристальный взгляд... а пока вот он – в коротких белых шортах, с теннисной ракеткой в руке, смеющийся, загорелый мальчишка, на смуглом лице которого глаза кажутся прозрачными, как вода...

Тинейджер исчезал где-то в глубине квартиры, но я продолжал слышать его на кухне, где он звенел посудой, в соседней комнате, где постукивали, выдвигаясь, ящики, потом он появлялся и пояснял:

– Это мы на море прошлым летом. А это мы с приятелем из моего класса... Эту собаку мне подарили на день рождения в десять.

Я взял фотографию в простой деревянной рамке, где солнечный свет оседал тусклой позолотой на его волосах, а белая теннисная ракетка была расчерчена тонкими ромбиками тени от натянутой сетки.

— А это я на школьном турнире по теннису. Третье место.

Он снова скрылся на кухне, но через минуту выглянул и спросил чрезвычайно серьезно:

— Дарэл, ты пьешь кофе?

Мне нравился запах кофе, а кровь тех, кто его пил, приобретала пьянящий, очень приятный привкус.

— Сегодня не буду.

Лориан поразмыслил немного:

— У нас есть хороший коньяк. Хочешь?

Мальчишка был горд, что у него взрослый, серьезный гость. И он может предлагать ему серьезное угощение, а не чипсы или пепси, как школьным приятелям.

Я положил фотографию на полку, оглянулся. В комнате произошли некоторые изменения. На низком журнальном столике между двух кресел стояла бутылка коньяка, два бокала, тарелка с нарезанным лимоном.

Все как у «больших».

Видимо, на моем лице появилось насмешливое выражение, потому что он слегка покраснел. Показался глупым самому себе. Подумал, что я насмехаюсь над его попытками организовать встречу двух друзей, объединенных интересом к творчеству Вэнса. Рассердился и заявил нелогично:

— А ты вообще спал, как... летучая мышь!

Сравнение было таким метким, что я не сдержался и расхохотался во весь голос.

— Тише! Помещаешь соседям! Здесь слышимость знаешь какая!

Ему снова стало легко со мной.

Мы сидели в широких удобных креслах. Лориан, разговаривавший после рюмки коньяка, повествовал о своей жизни. А я слушал его с непонятными для себя самого жадностью и тоской.

В шестом классе он болел. «Ничего серьезного, но пришлось много пропустить, и я занимался дома». В седьмом впервые влюбился. «Но ей больше нравилось обсуждать наряды и своих подруг, а мне — заниматься физикой и играть в теннис».

Потом мы смотрели фото со встречи. Лориан с гордостью демонстрировал кадры, на которых я рядом с Вэнсом и Паула во всем своем фэриартосском великолепии.

— Красивая, — вздохнул мальчишка, рассматривая совершенное, надменное лицо девушки. — Она кто?

— Певица. Бывшая.

— Очень красивая.

Снова Вэнс. С ним красный от смущения и восторга Макс. Лориан. Я, на удивление спокойный, стою напротив Паулы, хотя именно в тот момент мне хотелось придушить ее.

— Хорошие фотографии.

— Мне тоже нравится. Макс здорово снимает. Пойдем, покажу альбомы Вэнса.

Комната Лориана оказалась маленькой, но уютной. Стены обклеены плакатами с изображением певца — обоев не видно. Стол, кресло, компьютер, узкий диван, шкаф с книгами. Целая полка отведена под записи Гемрана. В центре — диск с дарственной подписью. Стоит открытый. Так, чтобы любой мог увидеть размашистые слова с острыми

углами букв. Кроме отсутствия инстинкта самосохранения подростки склонны к созданию идолов и поклонению им. Какое-то рудиментарное язычество.

Я снял с кресла футболку Лориана. (На ней красовалось название группы Вэнса, написанное ядовито-красным.) Огляделся в поисках места, куда ее можно переложить. Мальчишка поспешно выхватил у меня из рук раритетную одежду, аккуратно сложил, открыл шкаф, не глядя сунул на полку. Вытащил из-под подушки пульт, нажал на кнопку, включая музыкальный центр. Крошечную комнату наполнили мощные звуки органа и голос Гемрана. Лориан уменьшил громкость, забрался на кровать. Я сел в освободившееся кресло.

– Знаешь, – сказал он неожиданно, – а я ведь совсем ничего не знаю о тебе.

– Тебя это напрягает?

– Нет. Просто странно общаться с человеком, о котором известно только, что он эмпат и знаком с известным рок-певцом. Ну, еще его имя.

Я взял книгу со стола. Это оказалось не жизнеописание Британца, как можно было ожидать, а «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха.

– Дарэл, иногда я очень странно чувствую себя рядом с тобой. Так, будто ты прекрасно знаешь, что происходит в меня в голове. Это реально?

– Да.

Он сидел в неудобной позе, подогнув ногу, упираясь рукой в подушку, и пристально, требовательно смотрел на меня.

– Это, наверное, тяжело – постоянно чувствовать других?

– Тяжело.

– Сегодня, когда ты стоял на мосту и смотрел на звезды, мне показалось вдруг, что тебе нет дела ни до меня, ни до кого вообще на земле. И я испугался. По-настоящему испугался, вдруг это правда.

– Это неправда.

Редкий дар у этого мальчика. Я чувствовал его искреннее внимание к собеседнику, доверие, желание разделить его проблемы. Таким же был я в человеческой жизни...

Он поднялся и со словами: «Подожди, я сейчас...» вышел из комнаты.

Теплый, мягкий свет, приглушенный голос Вэнса, который не мешал думать, удобное кресло. Я не собирался спать. Но двое суток без отдыха, тяжелая работа и теплая волна сочувствия, исходящая от мальчишки, отключила мой инстинкт самосохранения и стала тянуть в глубокую черную яму, без мыслей и сновидений.

Лориан не разбудил меня. Несколько мгновений он стоял рядом, не зная, что делать со спящим в кресле гостем. Но потом пожалел, не стал беспокоить. И я провалился в черноту окончательно.

Меня разбудила острая режущая боль в плече. Она вонзалась все глубже и глубже.

Я открыл глаза и увидел свет. Солнечный свет! Тонкий, как спица, луч солнца пробивался сквозь щель в гардинах и падал на мое плечо, прожигая, кажется, насквозь. День... свет... солнце!

– Черт! Черт!!! – Я кубарем скатился с кровати в спасительную тень, разбудив своим воплем и своим ужасом.

Лориана, спавшего в соседней комнате.

– Дарэл, что? Что случилось? – Он появился на пороге, хлопая сонными ресницами. – Что с тобой?!

– Опустит жалюзи!.. Сделай что-нибудь! Этот свет убивает меня!

Он с ужасом смотрел на мое скорчившееся от боли тело, на длинный дымящийся шрам на плече и увидел наконец при дневном свете мое бледное лицо, сверкающие глаза, мои клыки... Лориан бросился к окну и рывком опустил жалюзи.

Полумрак, мягкий нежный полумрак коснулся обожженной кожи, ослепленных глаз. Стало легче. Я глубоко вздохнул, все еще слыша дрожь в своем дыхании, расслабился, поднял голову.

Подросток стоял, прижимая ладонь к горлу, и смотрел на меня огромными, откровенно перепуганными глазами. Растрепанный, в мятой одежде, босиком.

– Дарэл, ты?.. Нет. Этого не может быть.

Я бы сейчас на его месте пошире распахнул окно и дождался, пока солнце до конца испепелит меня.

– Послушай...

Он отчаянно замотал головой и вскинул руку, предупреждая мою попытку двинуться.

– Не надо. Не говори ничего, пожалуйста.

Мальчишка мысленно пытался успокоить себя, но шрам от солнца на моем плече не выдерживал логических объяснений. Его привычный, реальный человеческий мир рушился. В него пришло чудовище из фильмов ужасов и древних легенд. То, которое отгоняют святой водой и втыкают кол из осины в сердце.

– Дарэл, но ты же знаешь, что вампиров не бывает! Ты смеялся над тем готом! Выставил его полным идиотом!

– Лориан...

– Нет. Не бывает! Этого просто не может быть!

– Лориан!

– Почему? Ну почему со мной?! Скажи, что это неправда. Это ведь шутка? Ты просто разыграл меня?

– Да, это шутка. Дурацкая шутка. Тебе легче?

Он отрицательно помотал головой, волосы упали ему на лицо, и из-под этой мягкой завесы до меня донесся едва слышный звук. Плачет? Или смеется? Я бы на его месте смеялся. Ну где моя хваленая сверхчувствительность?! Бережно и очень осторожно я потянулся к нему, стараясь, чтобы мое прикосновение было теплым, пытаюсь почувствовать. Боль, изумление, страх, обида и что-то еще. И за это «что-то еще» нужно держаться.

– Лориан, знаю, я должен уйти. Но я не могу этого сделать... сейчас. Придется дожидаться ночи, иначе...

Я потер все еще ноющий рубец, и подросток вскинул голову:

– Тебе больно? Там, в ванной, есть бинт, йод... Нет, я сам принесу. Там светло.

Он принес аптечку и положил на пол рядом со мной. Сел на краешек стула. Мальчишка не боялся меня так, как должен был бояться. В его чувствах не было гадливого отвращения, ужаса, желания бежать сломя голову. И распахнуть окно он тоже не хотел.

– Поэтому ты не пришел вчера?

– Да.

– И если бы тогда я так поздно не вышел на улицу, мы бы никогда не встретились?

– Да.

Он прикоснулся к своей шее, словно искал несуществующие шрамы.

– Почему ты мне ничего не сказал? Думал, что я не поверю? Не хотел пугать?

Я прижался затылком к холодной стене и закрыл глаза.

– Ты испуган.

– Я мог придумать все что угодно, только не это... Дарэл, ведь неправда?..

– Проверь. Для этого нужно только пошире распахнуть шторы.

Он опустил голову так низко, что его лицо почти полностью закрыли волнистые волосы.

Так мы и сидели. Он на кровати, подтянув колени к груди, я – на полу, в самом темном углу комнаты. Ну что ж, мне здесь самое место. И хорошо, что все закончилось именно так. Больше не будет дневных звонков, обид, неправдоподобных объяснений. Ничего не будет.

Я открыл аптечку и с треском распечатал бинт. Снял прожженную рубашку. Оторвал кусок ваты, взял бутылочку антисептика, прижал мокрый тампон к ране, перетерпел жгучую боль и туго перебинтовал плечо. Вряд ли это поможет, но что-то человеческое во мне осталось. Хотя бы тело, которое вот так, совсем по-людски, болит...

Лориан смотрел на меня. Ему хотелось узнать еще о многом, но, видя жесткое выражение моего лица, он молчал.

– Мы не поссорились? – спросил он неожиданно.

– Глупый мальчик. – Я улыбнулся своей обычной улыбкой. Теперь можно было ее не скрывать.

Подросток вздохнул, и в его вздохе было облегчение, еще немного прежнего страха и чуть-чуть нового. И этот новый страх заставил его спросить:

– А ты... не сделаешь мне ничего плохого?

Я рассмеялся:

– Не бойся. Руководство моего клана не позволяет причинять людям вред.

– А Вэнс знает, что ты вампир?

Знал бы ты, Лориан, как достал меня своим Вэнсом!

– Нет, не знает. И сообщать ему об этом не нужно.

Мальчишка улыбнулся. Осознал. Сравнил. С удивлением понял, что человеческая значимость Гемрана слегка меркнет рядом с моей нечеловеческой сущностью.

Он на удивление быстро переступил грань, за которой фантастическое смешивается с реальным. Принял существование нереального... Подросток. Очень гибкая психика. Они постоянно живут в ожидании чуда, даже если сами не понимают этого. Желают видеть себя главным героем истории, происходящей в настоящей жизни. Мечтают стать владельцами личного волшебника, робота, инопланетянина, лепрекона, русалки... вампира.

Вслух могут рассуждать о невозможности этого и вспыхивать про себя жаркой, почти детской мечтой о волшебном друге. И тут вдруг появляюсь я – воплощение подросткового бреда. Фантастический приятель, узнав о котором, одноклассники «умерли бы от зависти».

Я «возник» вовремя. Через несколько лет он бы уже не смог дружить с вампиром.

Я удобнее устроился в кресле и почувствовал, как меня снова медленно тянет в сон. Знал, что он будет тяжелым. Слишком много всего сразу – усталость, страх, боль, солнце... Лориан говорил что-то, но я уже не слышал его. Короткие обрывки какого-то яркого сновидения выплыли из темноты вместе с уходящей болью, и сквозь их путаницу я чувствовал прикосновения теплых солнечных лучей, не обжигающих меня.

Я проснулся в ту самую минуту, когда солнце опустилось за горизонт. Как по будильнику. И понял, что великолепно выспался.

Комнату освещало матовое свечение экрана компьютера. Лориан сидел перед

монитором и, прикусив нижнюю губу, сосредоточенно «листал» страницы интернета. Искал информацию про вампиров. Которой было, надо сказать, огромное количество.

Некоторое время я смотрел на его руки, на тонкие пальцы над клавиатурой, на волосы, в матовой полумгле ставшие почти темными, и черную тень от книжной полки, падающую на его обнаженную шею.

Он обернулся, почувствовав мой взгляд.

– Привет. Ты проспал весь день как убитый. Даже не шевелился во сне. Уже восемь.

Наверное, в моем лице нечто изменилось, потому что подросток вдруг спросил тревожно:

– Дарэл? Что-то не так?

– Я голоден.

Да, именно это мне снилось – голод, боль и солнце. Теплое, нежное солнце, от которого не нужно прятаться...

Подросток сидел на тумбочке в прихожей и смотрел, как я одеваюсь.

– Ты уйдешь сейчас?

– Да.

– А я... ничего не могу сделать для тебя?

Я усмехнулся:

– Нет... – снова мельком взглянул на его смуглую шею и поспешно отвел глаза. – Нет.

– Я иду с тобой!

Видимо, эта идея только что пришла ему в голову и ужасно понравилась. Тинейджер вскочил и побежал выключать компьютер.

– Нет, не идешь.

– Дарэл, пожалуйста!

Сначала он перестал бояться меня. Потом выклянчит одну маленькую уступку, затем другую, дальше – попросит познакомиться с моими друзьями. А потом я пойму, что уже ни в чем не могу отказать ему.

– Слушай, мальчик, не зли меня! Ты никуда не пойдешь.

И тут произошло невероятное. Послушный, донельзя напуганный еще несколько часов назад, подросток вскинул голову и заявил упрямо:

– Нет, пойду! Я хочу гулять. И не кричи. Ты не имеешь права запретить мне.

Из подъезда мы вышли вместе. Лориан тревожно втянул носом холодный ночной воздух и огляделся по сторонам так, словно оказался в лесу, полном опасных хищников, и ожидал нападения в любую секунду. Сквозь раздражение от его упрямства, я почувствовал жалость к самонадеянному ребенку:

– Ты помнишь бар, где мы были в первый раз?

Он кивнул.

– Иди туда и жди меня. Я скоро.

– Нет, я с тобой.

Его пугал голодный блеск в моих глазах, но еще больше – темнота улиц, переставшая быть таинственной и притягивающей. Теперь там притаились бесформенные тени, которые следили за ним из-за каждого угла холодными, сверкающими глазами. Почти такими же, как у меня.

– Хорошо, пойдем... пройдемся до этого угла.

Я быстро шел по темной улице, не глядя по сторонам, не останавливаясь, не задумываясь о том, куда иду. Лориан едва поспевал за мной. Впервые он видел меня... на охоте. И еще не знал, пугает моя холодная сосредоточенность или завораживает.

Вот оно, медленно наступает – равнодушное спокойствие, в котором растворяется воспоминание о человеческом подростке, о моем чувстве симпатии к нему, о Веге в его глазах, об осени и о солнце. Мир сужается до тонкой полосы в глухой темноте, по которой мне нужно пройти тихо и незаметно. Тогда я смогу слышать обрывки чужих мыслей и чувств, смогу быть невидимым и почти всесильным. Мгновения, когда я перестаю подчиняться смертным желаниям, которые все еще сильны во мне, и становлюсь по-настоящему свободным.

– Дарэл!!! Дарэл, можно я подожду тебя здесь... на скамейке?

Я медленно повернулся, и Лориан, встретившись со мной взглядом, отпрянул. Растерянная, беспомощная улыбка появилась на его губах и тут же исчезла. Мне показалось, что он хочет убежать, позвать на помощь, или сделать еще какую-нибудь глупость, но подросток только повторил тихо.

– Можно?

Я вернулся через час.

Он сидел на скамейке, нахохлившись, словно воробей, под порывами ледяного ветра, который окатывал его с ног до головы, трепал волосы и забирался в рукава куртки. Ждал. Время от времени поднимал голову, всматривался в темноту переулка, откуда, как ему представлялось, должен был появиться я. И на его лице было такое взволнованное, напряженное отчаяние, что сердце мое замерло от прежней, давно забытой боли.

Увидел меня. Резко вскинул голову, вскочил:

– Ты так долго...

– Да. Ты замерз. Пойдем.

– Нет, подожди...

Он устал, продрог, больше всего ему хотелось ни о чем не думать и погреться где-нибудь. Но нужно было за чем-то узнать всю правду. До конца.

– Ты хочешь знать, не убил ли я кого-нибудь? Не убиваю ли каждую ночь?

Подросток кивнул, глядя на меня с жадным вниманием.

– Нет... Нет, не убил. Теперь пойдем. Я расскажу тебе...

Мы снова сидели в том, первом, баре. Я уже давно выбрал его как предпоследнюю остановку во время ночных скитаний по городу. Он был очень похож на другой бар в другом городе. Тот, в котором давным-давно Кристоф на спор одним ударом разрубил дубовый стол, очаровательная Лидия – юная фрейлина императрицы – назначала свидания своим возлюбленным... однажды Ференц^[12] играл на пианино – оно стояло вот в том углу. А почти через век – Сэмюэл учил меня курить марихуану...

Именно в него меня привела Флора. Растерянного, сомневающегося, голодного... Тогда я впервые узнал, что такое настоящий голод. А она, усадив за стол и ласково улыбаясь, сообщила, что я больше не человек...

Сейчас мы сидели за самым дальним столиком у стены, под медным светильником, напоминающим увядший цветок. Лориан держал обеими руками большую чашку с горячим шоколадом и взволнованно слушал то, что я рассказывал. На этом самом месте много лет

назад сидела Флора, и я так же бесцельно крутил зажигалку, стараясь не встречаться с ней взглядом и не видеть в ее лице выражения нежного внимания к своему неразумному ребенку. Пытаясь не замечать, что она читает меня насквозь. Маленький огонек вспыхивал под моими пальцами и отражался ярким бликом на полировке стола. Тогда я еще любил ее...

— Мою вторую мать... женщину, которая стала моей второй матерью, звали Флора. Мне было двадцать пять, когда она привела меня в свой клан. Я был молод, самонадеян и отчаянно искал новых ощущений... ну, это так, вступление... — Я продолжал смотреть на крошечный огонек в своей руке. — Я Дарэл, сканэр из клана Даханавар. Мне сто двадцать девять лет, и я просто воплощенная мечта современной молодежи и подростков, кладезь нечеловеческих сверхспособностей... Что-то из разряда людей-Х или Человека-Паука.

Горячий взгляд продолжал жечь меня, но Лориан все не опускал глаза, и на какое-то мгновение мне показалось... да, невероятно, но он жалел меня. Меня, почти бессмертного и почти всесильного!..

Что-то изменилось. Я должен был знать, что все изменится после того, как он узнает правду.

Подросток рассматривал меня, а я ловил какую-то новую волну, идущую от него. Я ожидал, что он станет бояться меня, ну в крайнем случае опасаться немного или хотя бы уважать за неограниченные возможности, а он — жалел.

— Дарэл, ты... сто четыре года не видел солнца! Это ужасно!..

Я равнодушно пожимал плечами, наблюдая, как он выписывает в своей электронной записной книжке колонку цифр и жирно подчеркивает особенно удивляющие подробности моей биографии. Этих «не видел», «не пробовал» и «не хотел» набралось уже больше десятка.

— Ты видишь мир черно-белым. Темное, бесформенное пятно на берегу — деревья, пятна посветлее — дома, черное небо, серая река.

Я усмехнулся. Потрясающее знание «предмета». Ясно. Начитался в Сети...

А я смотрел на его золотые волосы, дымчато-голубые глаза и не мог признаться самому себе, что вокруг становится светлее, когда он улыбается.

Ему хотелось знать как можно больше, и я рассказывал ту правду, которая была известна мне самому. Темные, тысячелетней давности легенды. Слухи и предания о Тринадцати Великих Кланах вампиров, ведущих постоянную кровную войну, о нечеловеческой внешности Нософорос, красоте девушек Фэриартос, о моих друзьях Кадаверциан и жестокости Тхорнисха. Я рассказывал про наши убежища, глубокие катакомбы, лабиринт под улицами города, обвалившийся еще в прошлом веке. О сокровищах, собранных Асиманами и спрятанных где-то на востоке, о сумасшествии Лигаментиа, с которыми я никогда не встречался и о которых слышал много странных рассказов, о Грейганнах, умеющих превращаться в волков. О длинных, зимних ночах и коротком световом дне, когда я сплю всего несколько часов. А также о страшном голоде, который преследует всех кровных братьев и может довести до безумия.

Лориан слушал, затаив дыхание, про времена, когда смертные почитали нас, как богов, про погибшие кланы и прекрасные разрушенные города, и восхищение в его глазах смешивалось с печалью...

Как часто люди представляют моих сестер и братьев совсем не такими, какие они в действительности. Боятся отнюдь не того, чего стоит. И пытаются найти с нашей помощью

вовсе не те ценности, ради которых стоит жить...

Я подумал слишком громко. Кажется, Лориан услышал последнюю мою мысль, потому что ответил именно на нее:

— Дарэл, я не хотел бы жить в твоём мире.

Знаю. Не хотел бы.

Это странно. Это как минимум необычно для человека, но тебе действительно не нужна сила и власть, которую даёт нечеловеческая сущность. Для тебя важнее солнечный свет...

Глава 5

Рыцарь ночи

Циник – это человек, который знает цену всему и ничему не знает ценности.

Оскар Уайльд. Веер леди Виндермир

27 сентября 2004

Миклош Бальза любил комфорт. Поэтому для своих редких поездок по городу всегда выбирал лимузин. Несмотря на отвращение нахтотера^[13] ко всему новому и прогрессивному, эта машина полностью соответствовала его эстетическим требованиям. Здесь нахтриттер^[14], как почтительно называли своего главу члены клана, не чувствовал себя крысой, что бывало, когда приходилось изменять своему вкусу ради дела семьи и пересаживаться в менее удобный и престижный автомобиль.

Вот и сегодня вечером господин Бальза приказал Роману из многообразия авто, находящихся в гаражах Золотых Ос^[15], взять черный «роллс-ройс». Выезжать в Столицу из резиденции на этом чуде машиностроения было даже приятно, хотя в последние сто лет у нахтотера выработалась стойкая антипатия к городам.

По его мнению, за эти годы людские муравейники настолько забились, что смрад человеческих тел порой причинял Миклошу головную боль. Он, конечно, с этим досадным фактом смирялся – «всех овец не перережешь (во всяком случае, сразу)» – но свои вояжи по улицам мегаполиса сократил в пять, если не семь раз.

«Раньше, – раздраженно думал нахтриттер, сидя в комфортном салоне на удобном мягком сиденье, – все было куда проще. О миллионных городах никто и не слышал. Жизнь пусть грязная, зато являлась куда более свободной и вольготной. Тогда киндрэт были королями ночи. А сейчас – больше похожи на выползающих из укрытий призраков. Цивилизация овец губит волков. Превращает киндрэт в беззубых телят. Чем стали те же кадаверциан, к примеру?.. И это грозный клан Смерти, в Средние века заставлявший пражан прятаться по домам, как только наступала ночь?!»

Миклош посмотрел в окно. Проводил взглядом памятник, стоящий на противоположном берегу реки. Едва не выругался. Где здравый смысл устанавливать в Столице такое?! В глазах господина Бальзы бронзовый гигант с треугольной шапкой, водруженный на скорлупку парусного кораблика, походил скорее на огромное чудовище. И что оно высматривало на территории его, Миклоша Тхорнисха, города – следовало еще выяснять. Нахтотер не стал вникать в подробности произведения искусства, лишь про себя отметил: «Встречусь со скульптором – разберемся»...

Впрочем, Кремль, мимо которого сейчас проезжал лимузин, Миклошу также не нравился. Нагромождение красных кирпичей, плоские поверхности. Чрезмерно радостные цвета... Лично для него единственно признаваемую ценность имела лишь мрачная готическая или хотя бы псевдоготическая архитектура. Этим любимая нахтотером

Прага отличалась от Столицы в лучшую сторону. Но Прага, увы, теперь недоступна. Уже несколько веков. И останется впредь.

– Проклятые кадаверциан! – пробормотал он, скрипнув зубами.

Следующее проклятие было адресовано клану Даханавар. Последние доводили тхорнисха до бешенства тем, что смели защищать овец!

Миклош удовлетворенно хмыкнул. Правильно, что он отправил Йохана на Совет к Ревенанту вместо себя. Слушать истеричные визги Фелиции – то еще удовольствие... Господин Бальза жалел свои нервы и уши. Он люто ненавидел Старейшину клана Даханавар и после вынужденных встреч с ней порой по две недели не мог писать музыку.

Нахтотер был уверен – «прекрасная» мормолика слишком много о себе мнит. Считает королевой. И самое отвратительное – пытается вводить свои правила для других семей. Что забавно – те очень часто их принимают и соблюдают. Кому-то приходится считаться с мощью клана Леди, кто-то слишком туп, чтобы понимать, что им управляют. Лишь Асиман и Тхорнисх пока не подписали ни одного соглашения по правилам охоты.

Господин Бальза был твердо убежден: все люди – законная добыча киндрэт, и не собирался расшаркиваться перед каждой овцой, прежде чем вцепиться ей в шею. А уж тем более оставлять в живых... Асиман, конечно, дураки. Если гадишь, за собой следует убирать, чтобы не было лишних вопросов. Но это их дело. Раз уж Амир так любит пачкать, то, быть может, он считает удовольствием избавляться от проблем, которые наваливаются после того, как полиция или, того хуже, чистюли-Даханавар обнаруживают очередной человеческий труп.

Позиция Тхорнисх в этом вопросе предельно ясна. Золотые Осы будут делать, что захотят, и плевать на всех. И пусть их только попытаются загнать в рамки глупых правил. Клану есть чем ответить.

...Девчонку он заметил сразу. Невысокая, но с отличной фигуркой и (что самое главное) толстенной соломенной косой ниже талии. Одета стильно, хотя не шикарно. Минимум косметики и, судя по отличному цвету лица, – не курит. То, что надо. Эта малышка была в его вкусе.

Миклош Бальза обратил на девушку внимание, когда посмотрел в окно очередной раз, беседуя по телефону. Приказал немедленно остановить лимузин. Не спуская глаз с неизвестной, закончил разговор и, потянувшись за плащом, бросил шоферу:

– Жди.

– Но, нахтотер, – попытался возразить тот. – У вас встреча и...

– Я сказал, жди, – не повышая голоса, произнес глава клана.

Водитель заткнулся и поспешил открыть дверь для господина Бальзы.

Тот вышел из машины. Вдохнул ночной воздух. Пахло грозой и выхлопными газами с автострады. Мерзость! А Йохан еще слезно умоляет не сидеть дома и хотя бы раз в неделю гулять по городу. Что за глупость! Нахтриттер не был склонен наслаждаться прогулками. Из своей берлоги он вылезал крайне редко и только по делам. Даже пищу ему доставляли в особняк.

Подумав о еде, Миклош вновь бросил взгляд на девчонку. Та стояла на противоположной стороне дороги, явно кого-то ожидая. Что же, малышка даже не представляет, кого она дождалась в эту ночь. Мурлыча себе под нос симфонию собственного сочинения, глава клана уже собрался подойти познакомиться, но тут протяжно затрещал телефон.

Господин Бальза поднял очи горе. Сегодня все словно сговорились. Никак не дадут ему расслабиться. Воистину, подчиненные устроили заговор. Он вытащил сотовый. Ничего не говоря, приложил к уху.

– Нахтотер, это я, – раздался голос Йохана. Легок на помине.

Иногда господина Бальзу бесил его первый помощник. Это случалось крайне редко, но достаточно метко.

– Нахтотер – это я, – ответил Миклош, стараясь унять злость.

Последовало ошеломленное секундное молчание. Затем неуверенное:

– Вы где?

Вместо ответа Миклош посмотрел на небо. Вроде до полной луны еще далеко. Странно. Обычно активность ненормальных приходится на период полнолуния. А Йохан сейчас ведет себя именно как умственно отсталый.

– Ты знаешь, почему я ненавижу сотовые телефоны? – процедил тхорнисх. – Основной вопрос, который мне через них задают: где я нахожусь? Тебе не кажется, что это мое личное дело, мой друг?

– Простите, нахтотер. Вы не приехали на встречу...

– Если я не приехал на встречу, значит, у меня появились более важные дела.

– Светлов волнуется.

Миклош равнодушно пожал плечами. Проклятый блаутзаугер недоволен. Ну надо же! Какое горе.

– Я готов заплакать от умиления. Ну извинись перед ним от моего имени. И води переговоры сам. Не маленький уже. Я занят.

Сказал и отключил мобильный. Дело, по которому хотел переговорить явившийся в город грейганн, было не таким уж важным. Видеть усатую рожу Йована и ощущать едва уловимый запах псины, исходящий от его поеденной молью шубы, Миклошу не хотелось. От Светлова не убудет, если он не придет. Йохан вполне в состоянии согласовать все вопросы самостоятельно.

Пока тхорнисх говорил по телефону, к девчонке подошли две подружки, и все вместе они скрылись в шестиэтажном красном здании, стоящем у дороги. Это был известный клуб «Б-9». Респектабельное, достаточно популярное заведение. И не самое дешевое.

У входа толпились люди. Желających попасть внутрь было много. Без очереди пускали только по клубным картам. Миклош стоять не собирался.

Один из двух массивных охранников заступил ему дорогу:

– Куда, парень?

Господин Бальза не любил, когда вставали на его пути. Но в этот раз он решил не наказывать грубияна. Легкое прикосновение к мозгу громилы в корне изменило ситуацию. Охраннику внезапно захотелось пропустить хрупкого молодого человека внутрь. И, рассыпавшись в извинениях, он отодвинулся в сторону. Миклош вошел в клуб.

Вестибюль с еще парочкой секьюрити. Чуть поодаль – огромный, во всю стену, аквариум. Зеркальный коридор. Первый зал. Сине-зеленые огни и рев так называемой музыки.

Она обрушилась на идеальный слух Миклоша чудовищной какофонией, но ради незнакомки тот был готов вытерпеть даже подобное издевательство над своими ушами. В многоликой толпе пляшущих овец он искал девчонку, но тщетно. Среди танцующих ее не было. Как и у барной стойки, где толпились жаждущие промочить горло. Нахтотер

не унывал. Клуб был большой. Рано или поздно блондинка найдется.

Зеркальный коридор. Новый танцевальный зал. Здесь все затянул туман, пронизанный копьями фиолетовых лучей. Шум музыки был иным, но таким же неприятным для чуткого уха. Пройгнорировав вход в зал игровых автоматов – вряд ли девушка направится туда, – «ночной рыцарь» вошел в третий, самый большой, двухэтажный танцевальный зал.

Опять смена стиля шума – на скрежет бензопилы. Опять смена дизайна зала – на космический корабль. И опять неудача.

Поднявшись по винтовой лестнице на второй этаж, Миклош миновал балкон, коридор с кожаными диванами и пальмами, прошел еще один ярус и вошел в бар-ресторан. Быстро огляделся. Взгляд остановился на сидящих за столиком у стены. И, как ни странно, одним из них оказался телепат Фелиции. Его собеседник не принадлежал к числу братьев.

Человек.

Мальчишка.

Дарэл Даханавар решил откормить собственный ужин? Что-то не очень на него похоже.

Миклош не любил телепатов. Он чувствовал себя в их присутствии неуютно. Постоянно приходилось держать защиту, чтобы «не копались» в мыслях. И это невыносимо утомляло.

Сейчас воспитанник Флоры что-то рассказывал открывшему рот подростку. Он был так увлечен беседой, что не заметил тхорнисха. И, похоже, не только его. В самом дальнем углу барной стойки восседали трое. Миклош без труда узнал в них выкормышей Амира и язвительно хмыкнул.

Да сегодня в «Б-9» аншлаг киндрэт!

Асиманы тоже не обратили внимания на нахттотера. Все их внимание было приковано к телепату. Интересно, что бывшим храмовникам понадобилось от Даханавара? Вряд ли хотят пригласить его за свой столик и угостить первой резус-отрицательной. Йохан очень живописно описал, как Амир был вне себя от ярости на прошедшем Совете.

Впрочем, тхорнисху не было никакого дела до мстительности Верховного Магистра асиман. Он нисколько не расстроится, если тот спросит с телепата за явные, или даже мнимые, обиды. Дарэл Даханавар не любил Миклоша, и тот отвечал взаимностью.

Убедившись, что девушки в зале нет, господин Бальза вышел на лестницу и поднялся еще на один этаж. Поиски лишь раззадоривали его. Чем дольше ищешь, тем слаще находка. Он уже понимал, что не будет долго возиться и ходить вокруг да около. Голод становился нестерпимым.

Потолок следующего зала был «усыпан» многогранными зеркальными шарами. В барную стойку утоплен розовый «кадиллак» шестьдесят пятого года выпуска. Миклош ненавидел человеческую музыку, но в стилях разбирался. Здесь вместо положенного по дизайну рок-н-ролла звучало диско. Людей было гораздо меньше, чем внизу. В нынешние времена музыка этого стиля не так популярна, как раньше.

Тхорнисх сразу же увидел подружек блондинки. Те о чем-то весело щебетали с тремя парнями. А вот искомой девушки не было. Он выругался. И тут же почувствовал страх, ужас, отчаяние, боль и спустя еще секунду – агонию. Едва не зашипев от разочарования и злости, быстро направился в сторону женского туалета.

Он опоздал. Уже взялся за ручку двери, когда та отворилась, и в проеме появился асиман. Явно из той же компании, что и троица в баре. Увидел милашку и решил заморить червячка. Миклош чуть ли не взвыл от ярости. Этот щенок убил ЕГО добычу!

Неизвестный блаутзаугер ошалело распахнул глаза. Не ожидал встречи с такой персоной. Воспользовавшись этим замешательством, разъяренный Миклош втолкнул соперника обратно. Вошел следом и плотно закрыл за собой дверь...

Воротник ослепительно белой рубашки был испорчен. Удивительно, но этот досадный факт ничуть не повлиял на настроение нахтотера. Посмотрев на себя в зеркало, он откинул волосы со лба. Усмехнулся. Припадок неконтролируемой ярости улетучился, словно и не было.

Подобные вспышки время от времени случались, и Миклош не находил в этом ничего дурного. Ему даже нравилось. Порой стоило расслабиться и выпустить пар, иначе жизнь становилась слишком скучной. То, что от приступов бешенства страдали все, кому не повезло попасть под горячую руку, его не заботило.

На место злости вновь пришло хорошее настроение. Девчонка и асиман были забыты. Ну... или почти забыты.

Господин Бальза покосился на одну из закрытых туалетных кабинок, где находились тела обоих. Асиман заслуженно отправился во тьму. Возможно, нахтотер несколько поторопился, но ни о чем не жалел. Да, конечно, теперь от Амира жди воплей, но он, Миклош, в своем праве. У него отобрали добычу, и он наказал наглеца так, как счел нужным. Тхорнисхи, в отличие от других кланов, никогда не собирались соблюдать глупые дипломатические отношения.

Дверь в туалет распахнулась. Вошедшая девушка, увидев стоящего у раковины молодого человека, испуганно пискнула, и ее точно ветром сдуло. Жаль. Тема для общего разговора у них бы нашлась. Голод никуда не исчез, лишь притупился.

Скептически изучив кровь на воротнике, Миклош посильнее открыл холодную воду, оторвал бумажное полотенце и попытался хоть как-то замыть пятно. За этим занятием его и застал следующий посетитель.

На этот раз нахтотер не оборачивался. Лишь бросил быстрый взгляд в зеркало и тут же создал крепкий ментальный щит. Хмыкнул и добавил в него «битого стекла», чтобы некоторым было неповадно лезть в чужие мысли.

– Сегодня удивительная ночь, даханавар, – по-прежнему занимаясь воротником, произнес господин Бальза. – Все киндрэт словно сговорились посетить женский туалет. Ты уже третий.

– Миклош? – Телепат был напряжен и не принял игривого тона.

– В твоих глазах читается вопрос. Что я здесь делаю? Не так ли?

– Что ты тут делаешь, Тхорнисх?

– Пытаюсь вычистить рубашку, – невозмутимо ответил нахтриттер. – Ты не знаешь, чем можно оттереть кровь? Кстати, спрашивать меня о том, что я здесь делаю, по меньшей мере невежливо. Я здесь раньше тебя. С этим утверждением ты спорить не будешь? Мне и любопытствовать. Что тебя привело в столь необычное место, Даханавар?

Прищутив светлые глаза, Дарэл внимательно осматривал помещение. Миклош не испытывал к нему ни капли симпатии: «Кто он там? Скандинав?.. В современном мире благородная кровь древних предков перемешалась с таким огромным количеством вульгарных примесей. А то и вовсе растворилась. Так что серые глаза и русые волосы вовсе не означают принадлежность к викингам».

Наконец сенсор закончил изучать кафельные стены и пол:

– Один из братьев только что умер здесь.

– Порой я тебе не завидую. Быть телепатом... такая головная боль, – усмехнулся Бальза. – Все мы не без греха. Да, ты верно почуял. Не зря Фелиция считает тебя лучшим. Он там. В кабинке. Если у тебя есть желание, можешь посмотреть.

Миклош сделал приглашающий жест. Собеседник поколебался, но приглашение принял.

Тхорнисх внимательно следил за ним через зеркало. Вот – распахнул дверь. К его ногам упали тела. Мертвая девушка в объятиях мертвого асимана. Охотник и жертва, соединенные незримой смертью. Весьма символично. Эдгар Алан По, с которым нахттотер пару раз вел непринужденную беседу, наверняка написал бы по этому поводу великолепный рассказ, наполненный мистикой и ужасом. Он знал толк в таких вещах. Чувствовал потустороннее. «Незримое», как он это называл. Но в отличие от кадаверциан-некромантов, работающих с мертвечиной, человека завораживало волшебное мгновение перехода живого в неживое, угасание, тление. Беспомощное трепыхание души до того самого мгновения, пока не оборвется тонкая ниточка, связывающая ее с телом. То, что занимало самого Миклоша. Жаль, Эдгар умер, слишком испугавшись того, что узнал. Талантливый был писатель... Впрочем, следует справедливости ради отметить, что талант его смог развиваться лишь под воздействием гения главы клана Нахтцеррет, открывшего смертному чарующую магию смерти...

Голос даханавара заставил очнуться от воспоминаний.

– Асиман?

– В точку, – ухмыльнулся господин Бальза и встретился взглядом с воспитанником Флоры. Ему ужасно нравилось злить этого недотрогу.

– Почему ты убил его?

– Это мое дело. – Нахттотер закрыл воду. – Если Амир ар Рахал спросит вежливо... Я подумаю над ответом.

– Ты только что нарушил Договор...

– Я не заключал договоров с Даханавар! – отрезал глава клана. – Тхорнисхи могут убивать блаутзаугеров, если это в интересах клана. Разговор окончен.

Он скорее догадался, чем почувствовал, что телепат пытается проникнуть в его воспоминания. Внутренне усмехнувшись, Миклош ослабил щит и подумал о мальчишке, который совсем недавно сидел за одним столом с этой приставучей мухой. Очень живо представил, как впивается пальцами в глаза того щенка, раздирает ему лицо так, что плоть слезает с костей, а затем впивается в трепещущую шею, грубо разрывает ее и жадно глотает кровь, стараясь причинить умирающему как можно больше боли.

От увиденного телепат содрогнулся и отпрянул. В его глазах горела неприкрытая ненависть.

– Так-то лучше, – мягко произнес нахттотер. – Не стоит лезть в чужую голову, иначе у тебя есть шанс наткнуться на очень специфичные мечты.

– Если с ним хоть что-то случится, ты, ненормальный садист...

– То что? Что ты мне сделаешь, даханавар? Без приказа Старейшин – ничего. Они крепко держат тебя на поводке. Ты – кукла в этом женском царстве. Пока мормолика не скажет прыгать, ты не прыгнешь. Так что твои угрозы по меньшей мере смешны. Впрочем, мне нет дела до твоего щенка. Я предпочитаю другой вид развлечений и пищи. Советую тебе вернуться к своему другу как можно скорее. Тела могут обнаружить, а тебе ведь не нужны неприятности с полицией? Доброй ночи, брат.

Он подошел к убитым и протянул руку ладонью вниз.

– Пришла к ним Смерть с лицом прекрасным и юным. Уводила в сады благоухающие, и каждый шаг снимал покровы с их тел.

В оригинале, помнится, говорилось «снимая покровы с их душ», но господин Бальза любил импровизировать.

Трупы стали разлагаться. Кожа на них запузырилась и потекла, обнажая мышцы. Кое-где проступили кости. В воздух взметнулось смрадное облако.

Даханавар отодвинулся к стене, Миклошу было приятно видеть гримасу омерзения, проступившую на его лице.

– Мы с твоим приятелем кадаверцианом почти братья. – Миклош добавил напряжения в «Волну Танатоса», исходящую из ладони. – Только он управляет мертвой плотью. Превращает мертвое в живое. А я совершаю обратный переход – из живого в мертвое.

На месте тел остались скелеты. А потом и кости рассыпались в труху, не выдержав разрушительной магии тхорнисха. Через минуту на полу виднелись лишь два неровных пятна.

Миклош медленно опустил руку, наслаждаясь видом бледного до зелени лица телепата. Видимо, слабенькое заклинание уничтожения произвело слишком сильное впечатление на этого чистоплюя.

– Что, даханавар убирают тела другим способом? Ах да, вы же не убиваете.

Не дожидаясь ответа и больше не обращая внимания на сенсора, он вышел из туалета. Подружки покойницы уже начали волноваться. Еще немного и они пойдут проверить, что случилось с девушкой. В клубе делать больше нечего. Пора уходить.

Продравшись сквозь вал музыки и толпу танцующих овец, он покинул клуб. Удивительно. На этот раз воздух улицы не казался столь удушающе-вонючим. Зазвонил телефон.

– Ну кто еще?! – Настроение вновь стало портиться с катастрофической скоростью.

– Алло! Миклош? Надо поговорить, – раздался голос руководителя клана Вьесчи.

– Я сегодня только и делаю, что говорю. Уже устал разговаривать. Если хочешь говорить, заведи себе психоаналитика.

Рамон не придавал значения невежливости нахтотера. Первое для негоцианта – бизнес и только потом манеры. К тому же вьесчи давно успел привыкнуть, что, когда тхорнисх говорит по телефону – он груб и чрезмерно язвителен.

– Нам следует встретиться.

– Не сегодня.

– Тогда завтра. Думаю предложить выгодный контракт для твоего клана.

– Хорошо. Йохан с тобой свяжется.

Миклош с раздражением бросил телефон в карман плаща. Перешел дорогу. Водитель уже стоял рядом с услужливо распахнутой дверью.

– Не надо. Отправляйся домой. Я проеду на метро.

Не обращая внимания на опешившего шофера, он пошел к ближайшему входу в подземку. Сегодня господину Бальзе хотелось развлечений и крови. Он едва сдерживал свой голод. До конца ночи было далеко, так что можно успеть совместить и то и другое.

Сказать, что Миклош Бальза ненавидел метро, – это значит ничего не сказать. Он был там только один раз и едва не умер от людской вони.

Сейчас до закрытия подземки оставалось не больше двадцати минут. Нахтотер спустился по эскалатору. Людей было мало, пришлось бродить по перрону больше пяти минут, прежде чем подошел поезд.

Он с презрением изучил синий вагон и вошел внутрь. Опасаясь заразиться какой-нибудь неизвестной дрянью и стараясь не касаться руками поручней, сел на сиденье. Кроме него здесь ехала лишь целующаяся парочка и спящий бомж.

– Отличное соседство, – с иронией в голосе пробормотал Миклош, но на следующей остановке не вышел.

Он стойко доехал до конечной и только тогда поднялся в город.

Это оказался рабочий район. Не трущобы, конечно, но ничего хорошего. Особенно для чужаков, шляющихся здесь глубокой ночью. Обогнув по широкой дуге спавшего на асфальте пьяного, нахтотер углубился в переплетение строек, гаражей и обшарпанных старых пятиэтажек.

Многочисленные бездомные кошки, почуяв присутствие киндрэт, спешили убраться подобру-поздорову. Темные, неосвещенные улицы были пусты. Но Миклош не отчаивался. Сегодня он ловил рыбу и надеялся вытащить на живца что-нибудь приличное и крупное.

Дорогу перегородили, когда «ночной рыцарь» проходил через очередную подворотню. Два крепеньких, паршиво одетых двадцатилетних дурачка. Как раз то, что надо.

– Закурить не найдется, пацан?

– Вторая, резус положительный и четвертая, резус положительный. Хороший коктейль. То, что надо.

– Тебя как зовут, умник?

– Называй меня нахтотер.

– Чё?!

– Хрена ты с ним возишься?! – не вытерпел второй.

Сверкнул нож-выкидушка.

– Гони кошелек и мобилу.

Понятное дело. Двум ли здоровякам бояться такого хлюпика?

– Сотовый?! – Миклош ужасно обрадовался шансу избавиться от надоедливой трубки. – Да, пожалуйста!

Он бросил телефон тому, кто держал нож. Ночные горе-грабители были столь ошеломлены такой покладистостью жертвы, что пропустили момент, когда тхорнисх оказался рядом с ними.

– Ты слишком много куришь, – сказал он одной из своих жертв. – Тебя я оставлю на закуску.

– Чё? – не понял тот, но ответа не дождался. Одним ловким движением господин Бальза сломал ему позвоночник.

Вторая жертва соображала куда лучше товарища. Парень, отбросив телефон и нож в сторону, с воплем бросился прочь. Оставив парализованного дожидаться своей участи, Миклош без труда догнал беглеца и вцепился ему в шею. Когда с этим блюдом было покончено, он вернулся назад и закончил с закуской. На мокром асфальте осталось два трупа.

Вкус крови был не ахти какой, но нахтриттер получил большое удовольствие от охоты. Он уже уходил из подворотни, когда зазвонил сотовый. Миклош остановился, выдал на старонемецком с десятков ругательств. Телефон не унимался. Зарывав, глава клана

Тхорнисх вернулся, поднял с асфальта трубку.
– Нахтотер, это Йохан. Шофер сказал...
– Да. Приезжай за мной. – Он назвал улицу. – И привези мне новую рубашку.
Он прервал связь и подумал, что, пожалуй, Йохан был прав. Иногда бывает полезно совершать прогулки перед сном.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Дарэл не совсем точно цитирует фразу из романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари».

Клан назван по имени легендарного вампира – Даханавара – самого гуманного по отношению к людям за всю историю существования киндрэт. Он скрывался в горах Армении и прославился тем, что никогда не убивал жителей подвластной ему территории. Напротив, вампир Даханавар, обладая нечеловеческой мощью, долгие годы защищал их, не давая врагам пройти через горное ущелье и оккупировать страну.

Мормоликаи – в Древней Элладе так называли очень красивых девушек, по ночам заманивающих юношей и пьющих их кровь. Мормоликаи – второе название клана Даханавар.

Краснофигурные вазы – древнегреческие вазы с рисунком: красные фигуры на черном фоне.

Дир-дале – ирландское вампироподобное сверхъестественное существо (в оригинале – Dearg-Du).

Констанс, видимо, использует игру слов. Одно из значений названия киндрэт – «порода, истребляющая крыс». От kind – «вид», «порода» (англ.) и rat – «крыса», «истреблять крыс» (англ.). Обычно вампиры предпочитают не вспоминать о подобном определении, оно считается унижительным для того, кому адресовано.

Наша любовь стала неистовой, потому что мы танцевали при полуденном солнце. Я любил тебя, как ребенок... (Antichrist, «Dancing In The Midnight Sun»).

Вампирическая Эпидемия (1725–1732) – самая известная и хорошо освещенная в европейских научных кругах того времени.

Амир Асиман имеет в виду Влада Дракулу, исторически бывшего князем Валахии и защищавшего христианские земли от вторжения Османской империи, но описанного Брэмом Стокером как граф Дракула – ужасный кровопийца.

Имеется в виду книга французского ученого 18 века, знатока Библии Дома Августина Кальме «Размышления о появлениях ангелов, демонов, духов, вновь вернувшихся, и вампиров в Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии», в которой он доказывает реальность этих существ.

Английская фирма «Voyage», специализирующаяся на создании только очень дорогих джинсов.

Авторы предполагают, что Дарэл имеет в виду венгерского композитора Ференца Листа.

Нахтотер – «убивающий ночью». Официальное название главы клана Тхорнисх.
От nacht – «ночь» (нем.) и toten – «убивать» (нем.)

Нахтриттер – «рыцарь ночи». От nacht – «ночь» (нем.) и ritter – «рыцарь» (нем.)

Золотые Осы – знак клана Тхорнисх. Три золотые осы на черном фоне.

Number one forever – «номер один навсегда» (англ.)

Шарль Бодлер – известный французский поэт середины 19 века, предшественник символизма.

Низшая должность в иерархии тхорнисхов.

Район лондонских трущоб.

«Гринхолл» – зеленая усадьба. Загородная резиденция клана Вриколакос.

Авторы предполагают, что Фелиция имеет в виду Мохенджо-Даро (на языке синдхи – «холм мертвых»), город в долине реки Инд (3-е тысячелетие до н. э.), раскопки которого открыли европейцам высочайшее развитие древнейшей индийской культуры.

По легенде, крылатое чудовище со змеями вместо волос, Медуза Горгона, взглядом обращавшая в камень любого, кто ее видел, была когда-то красавицей. Но как-то ночью она уединилась с Посейдоном в одном из храмов Афины. Рассерженная этим, целомудренная богиня превратила Медузу в безобразное чудовище.

«Гром и молния!» – устаревшее немецкое ругательство.

«Упадок лжи», «Критик как творец» – публицистические эссе Оскара Уайльда.

Пеплос – длинная женская одежда, которую носили в Древней Греции.

«...выдержанного, холодно-расчетливого тхорнисха...» – приведенное определение – личное мнение о себе господина Бальзы. От комментария, насколько оно соответствует действительности, авторы воздерживаются.

Киндрэт – «род проклятых». От kin – «кровные родственники» (англ.) и dratted – «проклятый» (англ.). У названия киндрэт есть и второе значение – «порода, истребляющая крыс». О котором сами вампиры предпочитают вспоминать как можно реже. От kind (англ.) – «вид», «порода» и rat (англ.) – «крыса», «истреблять крыс».

Асиман – «asiman», африканское название вампира.

Вьесчи – от Upięrczi или Viesczy (польск.). Польское название вампиров. По легендам, вместо клыков, у них есть жало под языком, активны от полудня до полуночи, и могут быть убиты только огнем.

Грейганн – «серые охотники». От grey – «серый» (англ.) и hunter – «охотник» (англ.)

Вриколакос – «носящие волчью шкуру» (греч.)

Даханавар – по легенде, так звали самого гуманного за всю историю существования киндрэт вампира. Он жил в горах Армении и прославился тем, что никогда не убивал жителей подвластной ему территории. Напротив, Даханавар, обладая нечеловеческой мощью, долгие годы защищал людей, не давая врагам пройти через горное ущелье и оккупировать страну.

Мормоликаи – в Древней Элладе так называли девушек, заманивающих по ночам юношей своей нечеловеческой красотой и пьющих их кровь.

Дир-дале – ирландское вампироподобное сверхъестественное существо.

Кадаверциан – от cadaver – «труп», «мертвое тело» (лат.)

Ревенант – смертный с кровью и многими способностями вампира.

Витдикта – сверхъестественный ритуал, позволяющий провести «обратное обращение», то есть вернуть вампира к человеческой жизни. От *vita* – «жизнь» (лат.) и *interdicta* – «непознаваемая» (лат.)

Лигаментиа – от ligamenta – «связка» (лат.)

Лугат (Lugat). Форма албанского вампира, по преданиям, довольно безопасного в разумных пределах, пьющего у жертв небольшое количество крови, не убивая их.

Нософорос – «разносящие чуму» (греч.)

Гемофаг – «поедающий кровь» (греч.)

Тхорнисх – от thorn – «шип» (англ.) и ichor – «кровь богов» (англ.) Впрочем, перевод последнего слова допускает и иную трактовку – «злокачественный гной» (англ.). Яростные недоброжелатели клана принимают только ее.

Нахтотер – «убивающий ночью». Официальное название главы клана Тхорнисх. От nacht – «ночь» (нем.) и toten – «убивать» (нем.). Официальное название главы клана Тхорнисх.

Нахтриттер – «рыцарь ночи». От nacht – «ночь» (нем.) и ritter – «рыцарь» (нем.)

Нахтцеррет – «ночной спаситель». От nacht – «ночь» (нем.) и erretten – «спасать» (нем.)

Фэриартос – «волшебство искусства». От fairy – «фея, волшебное существо» (англ.) и art – «искусство» (англ.)